

СТЕЙС КРАМЕР АБИССАЛЬ

18+

Продолжение бестселлера,
покорившего **500000** сердец

Стейс Крамер

Абиссаль

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25254680
Абиссаль / Стейс Крамер: АСТ; Москва;
ISBN 978-5-17-112599-8

Аннотация

Новая жизнь – так ли она хороша? Есть ли в ней место свободе?

Глории пришлось поменять имя и цвет волос – теперь она Абиссаль, у нее на шее метка жестокой группировки, которая обещает ей стать семьей и новым домом. Этого ли она хотела? Но на что ни пойдешь ради любимого человека... Тем более если его жизни угрожает смерть, а спасти его можешь только ты.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	24
3	40
4	63
Часть 2	77
5	77
6	91
7	101
8	121
9	142
10	156
11	183
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Стейс Крамер

Абиссаль

Моей семье. Спасибо вам за искреннюю веру в меня. Вы – мой свет.

*Так землю Бог и небо сотворил
Безвидными, пустыми; тьма была
Над бездною, но Божий Дух простер
Жизнеподательно свои крыла
Над влагой тихой, и в пучину влил
Живительную силу и тепло,
И в хляби жидкой осадил на дно
Частицы черных, тартарных веществ,
Холодных и враждебных бытию.*

Джон Мильтон. Потерянный рай

Часть 1

Кролики умирают молча

1

– Ты уже придумала себе новое имя?

Я улыбаюсь.

– Нет.

– Ничего, у тебя еще есть время пофантазировать. Мне кажется, тебе бы подошло имя Николь.

– Красивое. А как тебя зовут?

– Логан.

– Логан... Что теперь со мной будет?

– Хочешь узнать, какой теперь будет твоя жизнь? Глория, все будет так, как ты захочешь. Для начала мой приятель сделает тебе новые документы, на это потребуется несколько дней, но ничего. Я снял тебе квартиру в Мэрионе. Городишко спокойный, там до тебя никому не будет дела. Устроишься на работу или продолжишь учебу и будешь дожидаться своих парней.

– А если все поймут, что я инсценировала свою смерть?

– Не думай об этом. Все будет хорошо.

Логан всю дорогу пытался меня разболтать. Парень тот еще любитель дорожных разговоров: истории из ниоткуда, неизвестно, правдивые или выдуманные; шуточки, понятные только одному ему и комментарии по поводу каждой встречной кочки. С каждой наверстанной милей мой энтузиазм постепенно таял, бесследно исчезал в воздухе вместе с дорожной пылью. Недолго я пребывала в эйфории. Пока Логан что-то там рассказывал, я постоянно оборачивалась, смотрела в стекло, проверяла, не преследует ли нас кто-то. Вдруг я допустила ошибку? Я ведь вполне могла что-то сделать не так. Сомнение и страх терзали меня весь путь, и я даже не заметила, как мы оказались у мотеля.

– Держи, – сказал Логан, протягивая мне флакончик с краской для волос. – Ты ведь понимаешь, что тебе придется завязать с образом Леди Гаги?

Я позволила себе улыбнуться, но паника все еще грызла меня изнутри.

– Когда закончишь, спустишь вниз, я буду ждать тебя в кафешке.

Я побрела в ванную. Небольшое прямоугольное зеркало висело на потрескавшейся стене. Я посмотрела на свое отражение. «Запомни себя такой, – сказала я себе, – голубоволосой, сумасшедшей девчонкой. Теперь ты должна смириться

с тем, что тебя больше нет. Глория Макфин умерла. Она пустила в легкие воду, и сердце ее остановилось. Все ее ошибки, проблемы, наказания, все, что ей было дорого, теперь покоится с ней на дне. Посмотри на себя в последний раз и запомни».

Когда я напредила себе, что никогда больше не увижу свою семью, я почувствовала, как немеют мои конечности, а в груди холодеет от ужаса. Хотелось лезть на стену и кричать от боли, но тут я вспомнила о моем предназначении: я должна дожидаться ребят. Они – единственное, что у меня осталось. Они – моя жизнь, мой стимул. Я буду ждать. Ждать и верить, что с ними все хорошо, что мы обязательно встретимся и начнем нормальную жизнь без погонь и драк, без убийств и потерь.

Я буду ждать.

Как и сказал Логан, я спустилась вниз, в кафешку, где под звуки старого радио постояльцы мотеля набивали брюхо жирной едой. Все пытались перекрыть шипящую музыку, гремели тарелками, бокалами, смеялись и громко чавкали. Я просмотрела каждый дюйм, но Логана не обнаружила.

– Кого-то ищешь?

Возле меня стоял парень с татуировкой на все плечо с изображением какого-то воина с копьем, щитом и массивным шлемом, и возвышалась над всем этим великолепием надпись ARES.

– Да...

– Не меня, случайно?

Я растерялась на миг. Может, это человек Логана?

– Я Престон.

– Ты от Логана?

– Не-а.

– Тогда иди своей дорогой, Престон.

Но парень не отступал, принялся меня рассматривать, что заставило меня занервничать.

– Слушай, а я ведь тебя где-то видел.

Я остолбенела от страха и растерянности. Мои глаза округлились, а дыхание замерло. Конечно, ты мог меня видеть, ведь мое лицо целыми днями показывали по новостям.

– Ты что-то путаешь.

Я понимала, что сейчас выгляжу, как напуганный щенок, а мне ни в коем случае нельзя было подавать виду.

– Нет, мне твое лицо определенно знакомо, – не унимался он.

Я стояла и не знала, что сказать. Мне не хватало воздуха, и в какой-то момент я осознала, что придорожное кафе, некогда казавшееся мне одним из самых шумных мест на Земле, затихло.

На нескольких столах лежали ножи. Не слишком острые, конечно, но ранить можно, если кто-то будет стоять у выхода, не позволяя мне уйти. Это единственный вариант. Я только начала строить новую жизнь и не позволю этому случаю все испортить.

– Точно! Ты смотрела «Бешеные ковбои»?

– Что? Э... Нет.

– Там актриса, что играет дочку главного героя, очень похожа на тебя. Нет, ну надо же! Как две капли воды!

А затем Престон начал смеяться. Я стояла, ошарашенная, будто мне кто-то хорошенько врезал по голове, и тоже смеялась.

– А что означает это слово на твоей татуировке?

– Арес? Это имя бога войны. Древнегреческая мифология.

– Оу, какие-то проблемы, дорогая?

Логан появился внезапно, заставив подпрыгнуть от страха меня и Престона.

– Нет, все в порядке, – ответила я. – Парень просто спросил, который сейчас час.

* * *

Той ночью мне не сразу удалось заснуть. Логан храпел в кресле возле моей кровати, надоедливые сверчки пели за окном унылую песню, капли падали с крана на железную раковину. Прошлой ночью ты была дома, в своей родной постели, а теперь ты призрак. У тебя даже имени нет. Хотя...

Я бесшумно покинула номер. Вышла на улицу: только я и пара курящих девушек на другом конце двора. Подошла к ним, попросила сигарету. Курить хотелось так, что легкие

сжимались. Девушки вскоре ушли, и я осталась одна. Никотин смешался с кровью, подарил капельку успокоения. Может, не все так плохо? Тебе в любом случае нужно было бежать. Другого выхода не было. За исключением смерти. Но имела ли ты право выбрать второй путь, когда за твое спасение поплатился человек? Ты должна жить. С новым именем, с новым настоящим, с забытым прошлым, с надеждой на светлое будущее. А будущее действительно будет светлым, даже не сомневайся. Я поступлю так, как сказал Логан. Устроюсь на работу, а потом, как только встану на ноги, снова пойду в школу. Закончу ее, поступлю в колледж. Обустрою квартирку, что снял мне Логан, буду ходить на свидания к Алексу, Стиву и Джею. Мы будем вместе, хоть так.

Я шла, расставив руки в стороны, словно хотела кого-то обнять, во рту сигарета, глаза закрыты, а ноги танцевали, заставляя тело кружиться. Я почувствовала себя свободным, счастливым человеком. Человеком, у которого нет за плечами страшной истории, нет печали, травм и шрамов, нет едких мыслей и разбитого сердца. Он свободен и чист.

Подняла голову, посмотрела на небо. Как много звезд! Это безмолвные свидетели моей прошлой жизни. Они хранили мою историю. Они помнили, как я плакала в Бревэрде, сидя на крыльце своего дома, помнили ту ночь, когда мы с Беккс сбежали с музыкантами. Помнили, мое счастливое лицо, когда мы со Стивом гуляли на нашем первом свидании, помнили мои крики, когда я держала руку своей умирающей

подруги. А сейчас они вновь смотрели на меня и запоминали такой: с довольной улыбкой и блестящими от слез глазами.

* * *

Несколько месяцев назад я думала, что этот день будет особенным. Еще бы, с него начинается последний год до совершеннолетия. Мы с Тезер много думали над тем, как провести мой семнадцатый день рождения: снять дом, или арендовать клуб на ночь, или же просто пойти на пляж и устроить нечто грандиозное?

Да... Если бы я знала, как обернется моя жизнь.

Пятьдесят не спонтанное число. Я планировала умереть за день до своего дня рождения. Я представляла свое надгробие, даты на нем, гласящие о жалком клочке жизни.

Я поспала, наверное, пару часов, а затем до рассвета лежала неподвижно и вспоминала...

* * *

– Тише, не разбуди ее, – шепотом сказала мама.

– Да я и так уж на цыпочках иду, – шипел папа.

В день своего шестнадцатилетия я проснулась как можно раньше, потому что знала, что родители как обычно зайвтся ко мне в комнату, чтобы спрятать подарок.

Я смотрела на них и улыбалась.

– Мам, пап?

Они испуганно обернулись, будто я их застала за каким-то преступным действием.

– С днем рождения, Глория! – сказал папа.

– Вот черт, весь сюрприз насмарку!

– Я же говорил, что нужно было ночью прятать подарок.

– Вы каждый год прячете его под комодом, – смеялась я.

– Так сюрприз и заключается в том, чтобы ты думала, что мы в этот раз будем непредсказуемыми, но не тут-то было, – папа всегда умел перевести любую ситуацию в шутку. За это я его и любила.

– С шестнадцатилетием, дорогая, – мама подошла ко мне, держа в руках огромную коробку с бантиком на боку.

Осознав, что там внутри, я была приятно шокирована.

– Музыкальный центр?!

– Да, о котором ты мне все уши прожужжала.

– Господи, я вас обожаю!

– Кажется, теперь в нашем доме навсегда поселится шум.

Ох, как же ты был прав, папа! Только шумно будет отнюдь не из-за музыки.

Год назад у меня была идеальная семья. По крайней мере, мне так казалось. Папа еще ночевал дома и лишь изредка задерживался на работе, а мама еще не была измождена бракоразводным процессом. Но только снова прокручивая все это в голове, до меня, наконец, дошло, как много моментов

я не замечала. Наша «идеальная» семья уже тогда рушилась.

Помню, как мы сидели с мамой на кухне, а из ванной доносился голос папы, он с кем-то разговаривал по телефону.

– С кем это папа так долго говорит?

– Понятия не имею, – спокойно ответила мама. – Дэвид в последнее время стал таким скрытным... Может, у него появилась любовница?

– Мам, что ты такое говоришь?

– Шучу, шучу.

Внезапно нам позвонили в дверь

– Бабушка! – радостно крикнула я и побежала к двери.

Но мои ожидания были напрасными – на пороге я увидела курьера.

– Глория Макфин?

– Да...

– Вам посылка от Корнелии Мальбресс.

– А, спасибо.

До того как я поставила себя на счетчик, мы с бабушкой очень редко виделись. Она вечно была в разъездах, мне удалось ее увидеть только на Рождество, да и то на пару часов, потому что потом она обязательно спешила в аэропорт. Рождественские каникулы бабушка всегда проводила в Италии.

– Ну что, она опять прислала тебе праздничного курьера? – язвительно спросила мама.

– Бабушка просто очень занята.

– Да, так занята, что даже не может приехать на день рож-

дение единственной внучки. Ну, давай показывай, что она тебе подарила.

Я быстро избавилась от подарочной упаковки.

– Кашемировый свитер!

– О, очередная ненужная вещь, – недовольно промямлила мама.

– Перестань, он такой мягкий!

– Ладно. Так, нужно успеть до ужина испечь торт.

И тут я внезапно вспомнила про Тезер и про вечеринку в ее доме с кучей гостей. Тезер всегда занималась организацией моих праздников, а мне было так гораздо спокойнее и выгоднее, потому что если вечеринку устраивает Тезер Виккери, то она обязательно пройдет на ура.

– Мам, меня вечером не будет дома.

– Почему?

– Тезер устраивает вечеринку в честь меня...

– Глория, а почему ты раньше мне об этом не сообщила?

Помню, как я растерялась и начала виновато бормотать себе под нос.

– Я не могла решиться.

– Ну что ж, хорошо, тогда у нас сегодня будет просто праздничный обед без торта.

Мама отвернулась к плите, а я почувствовала себя самым неблагоприятным существом на планете.

– Ты обиделась?

– Нет, что ты... Я прекрасно понимаю, что сейчас у тебя

в приоритете друзья, тусовки, так что... Удачно тебе повеселиться.

Я никогда не ценила маминого внимания ко мне. Я всегда убегала, находила тысячу причин, чтобы лишний раз не поговорить с ней. Я только сейчас понимаю, как сильно она любила меня и как тяжело ей жилось в нашем доме. Она чувствовала себя одинокой среди родных людей. А это, пожалуй, самое страшное в жизни.

Вечером я все же отправилась на вечеринку. До сих пор помню то огромное количество людей, большинство из которых я даже не знала. Это были богатенькие знакомые Тез, она любила их приглашать, потому что обычно они приходят со своим алкоголем и дарят дорогие подарки. Но мне не было дела до этих крутых, «золотых», детей, а также до их подарков. В толпе я искала лишь одного человека. Мэтта. Я обошла весь дом, мне пришлось обнять по меньшей мере около сорока человек и выслушать кучу поздравлений, хотя на самом деле я лишь делала вид, что слушаю их, я продолжала искать его. Но затем, накрутив еще несколько кругов по дому, я с горечью осознала, что его здесь нет. Да уж, как же я была раздосадована!

– Ты уже открыла мой подарок? – спросила меня Тез.

Хотела бы я тогда сказать, что главным подарком для меня был бы ее парень, но...

– Еще нет.

– Открой немедленно.

Я привыкла беспрекословно выполнять указания Тезер. Под шуршащей упаковкой скрывалось то самое изумрудно-черное платье, в котором я через несколько месяцев пойду с Мэттом на свидание.

– Оно потрясающее! Спасибо, Тез.

Мы крепко обнялись, а в следующий момент я готова была раствориться от охватившего меня счастья: я увидела Мэтта.

– Привет, Глория, с днем рождения, – протараторил он.

– Привет...

И только я собралась поблагодарить его, как тут же меня перебила Тез:

– Милый, почему ты опоздал?

– Да тренер с ума сошел, отпустил нас на полчаса позже.

– Да уж, вот кретин!

– Глория, ты извини, я твой подарок дома забыл, – сказал Мэтт, обвивая талию Тезер.

– Да ничего страшного! Главное, что ты пришел...

– Там ничего особенного, но тебе все равно понравится, ведь его выбирала Тез.

И в этот момент он ее поцеловал. А я стояла напротив них с идиотской улыбкой и с разбившимся на сотни осколков сердцем.

Как же я была рада оказаться дома!

Именно в тот день я впервые задумалась о суициде. Я стояла, оперевшись о дверь, слушала тишину и плакала. Потому

что тогда мою хрупкую девичью душу волновала лишь эта гнетущая, пожирающая меня изнутри невзаимная любовь. Я чувствовала себя абсолютно разбитой и ни на что не способной.

Я прошла на кухню, меня привлек сладкий, аппетитный аромат. В центре стола стоял огромный торт. И тогда я начала плакать еще больше, потому что понимала: мама, несмотря ни на что, решила меня порадовать, и это самый ценный для меня подарок.

Я поднялась по лестнице, зашла в спальню родителей и застала маму в одиночестве.

– Уже вернулась?

– Да...

Я подошла к ней, села на кровать и взяла ее за руку.

– А где папа?

– Он позвонил, сказал, что будет поздно. Не знаю, что там у него на этой работе, но, видно, что-то серьезное.

Я взглянула на часы, что стояли на тумбочке у кровати. Было около двух часов ночи. В моей душе уже тогда зародилось сомнение в искренности его слов, но я все равно даже и подумать не могла, что папа способен на такое отвратительное предательство.

– Спасибо за торт.

– Ох, если бы ты знала, сколько я с ним мучилась! Надеюсь, он получился вкусным.

– Пойдем проверим? – улыбнулась я.

Наверное, это была одна из самых спокойных ночей в моей жизни. Мы сидели с мамой на кухне, уплетали торт, о чем-то разговаривали и смеялись. Много смеялись. Будто предчувствовали, что скоро жизнь нашей семьи кардинально изменится.

Скоро в этих стенах поселятся боль, отчаяние, ненависть и жуткое желание умереть.

* * *

Логан притащил кучу еды в номер.

– Ешь побольше, ехать еще прилично, поэтому будем реже останавливаться.

Я нехотя взяла первый попавшийся пончик с застывшей сгущенкой.

– Я выбрала имя.

– Ну?

– Арес.

– Как? Айрис?

– А-рес. Арес.

– Странное имя. Лучше бы ты выбрала Николь.

Я тяжело вздохнула.

– Ты чего?

– У меня сегодня день рождения.

– Да ну? И сколько тебе стукнуло?

– Семнадцать.

– Что ж, поздравляю! Тогда моя новость будет как раз кстати. Сегодня мы заедем в тюрьму к твоим друзьям.

В этот момент я почувствовала, что вот-вот потеряю сознание, словно кто-то наполнил воздух каким-то отравляющим веществом.

– Что?.. Логан, ты серьезно?

– Серьезно. Считай, что это подарок.

* * *

Мы ехали уже почти полчаса, а я до сих пор находилась в невесомости. Я не слышала звука машины, не чувствовала скорости, не различала пейзажей. Я была полностью поглощена мыслью о предстоящей встрече.

Господи, я не верила... Я просто не верила. Я пребывала в таком абсолютном восторге, что порой казалось, будто все это происходило не наяву. Это все нереально...

– Чего молчишь?

– Я... не могу собраться с мыслями. Я правда их увижу?

– Да, только не всех, разумеется. С кем именно хочешь встретиться сегодня?

– Со Стивом, – не задумываясь, ответила я.

– Значит, увидишься со Стивом.

Я расплылась в улыбке.

– Логан, если бы ты знал, какая я счастливая!

– О, да. Едешь в тюрьму на свидание с заключенным. Вот

это, я понимаю, счастье.

– Нам долго еще ехать?

– Думаю, часов шесть.

Шесть часов. Всего шесть часов, и я увижу его.

Я так долго ждала этой встречи. Так часто представляла себе, какой она будет. Возможно, я буду пару минут молчать и просто смотреть на него. Я не смогу его обнять и даже прикоснуться, так как это не регламентировано, поэтому я буду просто смотреть на него. Смотреть и представлять, что крепко-крепко обвиваю его руками, чувствую его тепло, его запах. Смотреть и наслаждаться каждым миллиметром его образа. А потом я скажу, что люблю его. Слишком мало будет времени на всякие «привет», «как жизнь», я просто скажу самое главное: «Я люблю тебя». И не дай бог, я разрыдаюсь при нем. Нет. Я должна держаться мужественно, уверенно. Я хочу, чтобы он понял, что у меня все хорошо, беспокоиться за меня не нужно. Я справлюсь со всеми трудностями так же, как и он справится со своими.

Черт возьми! У меня уже были слезы на глазах, они так жгли, что невозможно сдержаться. Я едва контролировала себя. Мое тело было охвачено дрожью, кровь бешено пульсировала, а легкие с жадностью требовали кислорода.

* * *

Забавно осознавать, что я смогла пережить несколько

дней разлуки, а в данный момент не могла потерпеть эти чер-
товы шесть часов. Они превратились в вечность.

Да тут еще и Логан решил притормозить у огромного ку-
курузного поля.

– Почему мы остановились, Логан? – не скрывая недо-
вольства, спросила я.

– Я, конечно, понимаю, тебе не терпится увидеть своего
музыканта, но моему мочевому пузырю тоже не терпится.

Я выдохнула.

– Извини.

Логан покинул автомобиль и скрылся в зарослях кукуру-
зы.

Я смотрела на свой браслет S, поднесла его к губам и тихо
прошептала:

– Моя «смерть» не была напрасной. Я скоро увижу тебя,
Стив. Я... скоро увижу тебя.

Я посмотрела в окно, затем-то от скуки и нетерпения ста-
ла копаться в бардачке, но у Логана там не было ничего ин-
тересного: только права и сигареты.

Ожидание меня начинало постепенно раздражать, я ерза-
ла в кресле, вновь смотрела в окно, и тут... Я услышала крик.

У меня мгновенно перехватило дыхание. Я испуганно по-
смотрела в сторону зарослей и долго не соображала, что мне
делать.

Затем я решила вылезти из салона. Обернулась – вокруг
никого. Даже трасса пуста, ни одной машины. Ветер колыхал

стебли кукурузы, и казалось, что там, в глубине, затаилось нечто ужасное.

– Логан?

В ответ только шелест.

Я подошла ближе к зарослям, разгребла шершавые стебли руками и интуитивно пошла вперед.

А страшно было так, что я пропустила вдох.

Я продвинулась еще дальше, оказалась со всех сторон замураванной массивными, длинными стеблями, что так и норовили воткнуться мне в глаз. Пройдя еще несколько метров, я остолбенела от ужаса. Я увидела Логана. Он, зажмурившись, лежал на земле, крепко прижимая руки к животу.

– Логан, что случилось?!

Я бросилась к нему.

– Беги, Глория, – с трудом выговорил он.

– Кто это сделал?

– Беги...

– Нет... Нет. Так, давай вставай.

Я пыталась помочь ему подняться, но боль настолько завладела его телом, что он не мог пошевелиться.

– Пожалуйста, Логан, вставай!

С трудом он поднялся, я перекинула его руку через свою шею, и мизерными шагами мы начали двигаться в сторону дороги. Стебли резали наши руки, лица, но мы не останавливались. Я не знала, почему я до сих пор не потеряла самообладание. Я не понимала, что происходит и почему это

происходит.

Вдох – сердце тревожно билось, а его удары болезненно отражались в висках. Вдох – ноги подкосились, казалось, что тело Логана с каждой секундой становится все тяжелее и тяжелее. Вдох – руки на автомате раздвигали стебли. Вдох – я увидела свет, и мы наконец-то выбрались из этой западни.

Вдох – я увидела перед собой шесть человек, облаченных в черные массивные куртки. Я пыталась разглядеть лица незнакомцев, но тьма, создаваемая огромными капюшонами, накинутыми на головы, скрывала их. Я растерянно смотрела на них, как загнанная собака.

Не успев и слова сказать, я услышала, как кто-то подходит ко мне сзади, и далее последовал удар.

Вдох – я упала, немигающим взглядом продолжая смотреть на этих шестерых, а затем я погрузилась во тьму.

Боль пробудилась раньше меня. Она заставила меня очнуться, покинуть тихое, темное пространство, в котором я неизвестно сколько времени находилась. Я открыла глаза и несколько мгновений не могла понять, что меня беспокоит, откуда исходят импульсы боли. Я лежала на животе, руки по разные стороны ладонями вниз, словно я пыталась за что-то зацепиться. Подняла голову и почувствовала, как волна боли ударила в темя с такой силой, что я непроизвольно издала стон. Потянулась рукой к голове, кончиками пальцев решилась дотронуться до макушки, которая по моим ощущениям являлась эпицентром боли, и нащупала что-то мягкое и жутко болезненное.

Я осмотрелась. Кто-то притащил меня в длинную, узкую комнату, от пола до потолка отделанную белым кафелем, в котором отражался раздражающе белый свет от мигающей дневной лампы. Это помещение напоминало одну из больничных палат, где так же холодно и невыносимо страшно.

Единственное, что нарушало кипенно-белый цвет комнаты, – это огромная перевернутая буква А, нанесенная черной краской на противоположную стену. В нескольких метрах от меня находился унитаз, а стену напротив дополняла массивная железная дверь. Увидев ее, я начала медленно подниматься. Координация еще страдала, поэтому я осторожно,

без резких движений, опираясь о стену, поднялась и пошла вперед к двери. Слабость взяла надо мной верх, в глазах потемнело, а в ушах такой сильный шум, что из-за него было еще труднее сосредоточиться и совершать хоть какие-действия. Преодолевая ломоту и головокружение, я, наконец, добралась до двери. Ручки не было, я схватилась пальцами за мизерный промежуток, образованный между дверью и стеной, всеми силами пыталась открыть ее, но ничего не вышло. Закрыто намертво.

Я медленно повернулась спиной к двери, оперлась на нее и почувствовала, как к горлу подкатывает истерика, она жала его и потрясывала все мое нутро. А затем мое внимание привлекла маленькая черная точка, находящаяся наверху, в противоположном углу. Мой зрительный анализатор был еще слабват, по всей видимости, все структуры мозга находились в критическом состоянии из-за удара, но я все равно пыталась разглядеть эту точку. И спустя несколько минут я поняла, что эта самая точка является камерой.

Кто-то наблюдал за мной.

Эта мысль пронзила меня с головы до ног, и истерика, бурно зарождавшаяся во мне несколько минут назад, набрала сейчас обороты. Я смеялась. Да так громко, что казалось, еще немного и от моего смеха треснет кафель. Я, шатаясь, шла вперед, мой оглушительный смех порождал во мне очередные приступы боли, я их чувствовала, но они уже имели для меня второстепенное значение. В данный момент я была

заиклена только на одной мысли: я нахожусь в заточении и тот, кто похитил меня, сейчас с удовольствием наблюдает за мной, разглядывает меня, как чертову амебу под микроскопом.

Я прислонилась лбом к холодной стене, быстро дышала. Между моими дрожащими губами и гладкой поверхностью кафеля образовался мокрый след от моего дыхания. Сколько же мучительных вопросов лезло в мою голову, они разрывали мой мозг на куски. А попытки найти ответ хотя бы на один из них сжирали последние остатки надежды, которая в самом деле умирает последней.

Сердце издало громкий и тревожный удар, когда я услышала железный скрип открывающейся двери. Я оторвала голову от стены, повернулась и увидела перед собой мужчину. У него были черные волосы, свисающие до границ нижней челюсти, густая черная борода, что распространялась даже на его острые скулы. Он был одет в черный костюм, в тон своим глазам, которые пристально смотрели на меня.

– Здравствуй, Глория.

Я остолбенела. Напрочь забыла о кошмарном головокружении, о голове, что беспрерывно ныла. Я только смотрела на него и окончательно осознавала то, что моей жизни наступил конец.

Он подошел ко мне, а я рефлексивно, словно от опасного зверя, пыталась отстраниться, но ноги перестали слушаться, я потеряла равновесие, и в следующие секунды я могла

бы оказаться вновь лежащей на кафельном полу, но этого не произошло – мужчина вовремя схватил меня за руку.

– Осторожно. Мы немного перестарались. Наградили тебя небольшой, но дико кровоточащей раной. Я ее зашил, так что все будет нормально. Ты потеряла много крови, но твой костный мозг уже включился в работу, скоро силы вернуться к тебе.

Я смотрела на него, едва дыша, и нашла крохотные частички уверенности, чтобы задать один из волнующих меня вопросов.

– Кто вы? – тихо спросила я.

Наблюдатель сел на пол и потянул меня за собой.

– Видишь ли, Глория, так получилось, что теперь мы с тобой связаны одной цепью. Я этого не хотел, ты – тем более, но таковы обстоятельства. Мне нужно серьезно с тобой поговорить, но не сейчас. Ты пока слаба и не сможешь понять то, что я хочу донести до тебя. Так что ты должна немного прийти в себя, оправиться от волнения, успокоиться. Согласен, условия здесь так себе, но я ничего не могу поделать.

Что за бессмысленные слова льются из его уст? Я ничего не понимала, будто этот загадочный человек в черном говорил со мной на другом языке. Он чувствовал свое превосходство, кормил меня бестолковыми фразочками, из-за которых еще больше возникало вопросов. Все это воспламенило во мне бесконтрольную ярость.

– Кто вы такой и почему я здесь?!

Взглянув в его глаза после того, как в комнате раздался мой истеричный крик, я поняла, что зря это сделала. Его лицо стало таким мрачным и суровым, что мне стало страшно сделать даже вдох.

– Глория, не нужно так кричать. Если ты это повторишь, то я снова тебя ударю, но на сей раз ты уже не очнешься.

Я много раз слышала угрозы в свой адрес, и столько же раз они порождали во мне еще больше ярости и желания заткнуть ублюдков, из уст которых они вырывались. Но тогда я онемела от страха. Хотя этот человек даже не повысил тон, а абсолютно спокойно произнес эти слова. Кажется, ему под силу безмолвно заставить человека дрожать и молить о пощаде. И я совершенно точно могу сказать, что от его взгляда сердце сжималось сильнее, чем от дула пистолета, приставленного к виску.

Мужчина поднялся и, ни разу не обернувшись, покинул помещение. А я до сих пор смотрела на то место, где всего несколько секунд назад находился мой похититель.

* * *

Наверное, прошел день. Я спала, когда услышала скрип двери. Я подумала, что ко мне вновь наведася Человек в черном, но нет. Оказалось, в двери были еще одна маленькая дверца и полочка, на которую ставят поднос с едой. Словно в тюрьме.

Я поднялась, подошла к двери, взяла поднос. На нем стакан воды, два куска хлеба и вермишель с тушеными овощами. Честно говоря, за все то время, что я была здесь, мысли о еде меня не посещали. Я лишь думала о том, насколько сильно изменилась моя жизнь. Вот я была обычной девочкой, потом сбежала из дома, встретила с музыкантами, объехала с ними кучу городов, затем последовали убийство Ребекки, возвращение домой и «самоубийство», после него «воскрешение», якобы начало новой жизни, и вот теперь я в заточении, а безымянный мужчина каждую секунду смотрел на меня. Это все было похоже на какой-то бред, на безумную историю, сочиненную кем-то неизвестным. Я сидела на ледяном кафельном полу, смотрела на эту пугающую черную метку в человеческий рост, ела вермишель, потому что сил катастрофически мало, и каждую секунду спрашивала себя: «Неужели это все происходит со мной?»

Кажется, наступил еще один день. Меня начинало конкретно раздражать место, в котором я пребывала. Этот противный белый свет, что прорывался даже сквозь закрытые веки, это полное отсутствие времени... Я с ума сходила от неведения. Который сейчас час, встало ли солнце или еще царит ночь? Дошло до того, что я занимала себя подсчитыванием секунд, а затем сложением их в минуты, часы, чтобы хоть как-то не терять связь с миром, хоть как-то чувствовать себя живым, обычным человеком, зависящим от времени.

– Здравствуй.

Я открыла глаза и увидела перед собой Его.

Большую часть времени здесь я проводила во сне, иначе просто не выжить.

Мужчина стоял с подносом в руках и смотрел на меня, слегка улыбаясь.

– Как дела?

Я встала и молила себя выглядеть так же спокойно, как он. Я хотела, чтобы он, наконец, объяснил мне, что происходит.

– Отлично, – ответила я.

– Я понимаю, тебе здесь скучно, но скоро все изменится, я обещаю. Смотри, что я тебе принес, – он обратил мое внимание на поднос, который вместил чашечку кофе, стакан молока, кусочек пирога и небольшую тарелку с фруктами. – Какая вкуснотища! Сам бы съел, но это все твое до последней крошки.

Я взяла поднос. Руки так дрожали, что еще чуть-чуть, и вся еда оказалась бы на полу.

– Спасибо, – сказала я, медленно опуская поднос на пол.

– Итак, Глория, нам нужно поговорить. И начну я, пожалуйста, вот с чего.

Мужчина достал из внутреннего кармана пиджака несколько фотографий.

– Ты знаешь этих людей?

Он дал мне в руки одну из фотографий, и уже до того, как взглянуть на изображение, я догадалась, про кого он спрашивает: музыканты.

И правда, на фотографии были изображены Алекс, Джей и Стив, они стояли на сцене, вооружившись своими инструментами. Руки еще больше стали дрожать, и я никак не могла оторвать взгляд от фотографии.

– Скажи, Глория, не бойся.

– Нет, не знаю.

Мужчина самодовольно улыбнулся. Немедля он дал следующую фотографию.

– А так?

На фото были запечатлены я, Джей и Стив. Даже не знаю, в какой момент нас сфотографировали и как мы не заметили, что за нами идет слежка.

Я не знала, что ответить, лишь растерянно стояла и ждала его действий. Я уже была готова ко всему.

– С голубыми волосами тебя и не узнать.

Мужчина забрал фотографии.

– Алекс Мид, Стив Аллигер и Джей Сорвински. Три безмозглых парня, которые вечно находили приключения на свои задницы. Они нажили себе кучу врагов, среди которых и я. Эти бесстрашные думали, что они неуязвимы, никто их никогда не поймают. И они, кстати, были правы. Я долго за ними бегал, но потом мне жутко надоело тратить свое время

на них. А тут совсем недавно узнаю, что их посадили в тюрьму. Ох, как я был рад! Тюрьма – это очень опасное место, особенно если там есть мои люди среди заключенных или же из охраны. Представь: спят они спокойно ночью и тут их сокамерник вонзает лезвие им в горло. Или же в душе кто-то случайно отрежет им член, они будут кричать, истекать кровью, но им никто не поможет. В общем, я могу сделать с ними все что угодно, достаточно лишь одного моего слова.

Я не могла это слушать. Мне было настолько больно и страшно одновременно, что я едва держалась на ногах. Мне не хватало сил, чтобы справиться с нахлынувшими эмоциями, и Он это чувствовал.

– Но ты, Глория, можешь все исправить, – он вновь улыбнулся, и из-за этой улыбки его лицо стало еще мрачнее, чем прежде. – Когда я узнал, что ты прилюдно избивала самого Дезмонда Уайдлера, я понял, что моей команде просто необходим такой человек, как ты. Поэтому мои условия просты: либо я отпускаю тебя на свободу и твоих друзей хоронят в закрытых гробах, либо они спокойно отсиживают свой срок, а ты навсегда, подчеркиваю, НАВСЕГДА расстаешься со свободой и будешь принадлежать мне. Тебе довольно трудно принять сейчас решение, так что я даю тебе время подумать.

Он направился к выходу, а я стояла, до конца еще не осознавая, что происходит. Этот человек убьет ребят, я верю ему, я абсолютно верю каждому его слову. И от этого мне становилось в тысячу раз тяжелее. Я не знала, что Он имеет

в виду, говоря, что я буду принадлежать ему, не знала, что мне придется делать. Но одно лишь понимала: что бы то ни было, молчать я уже не могу.

– Вы уже знаете мое решение, – с горечью сказала я.
Мужчина в черном обернулся.

– Да. Но я не имею права лишать человека выбора.

* * *

Может, из-за моего юного возраста или же из-за врожденной тупости я полагала, что преступный мир – это игра. Это весело. Пистолеты, парни, погони, вечный адреналин... Эта игра помогала мне забыть о моем доме, об отце, о школе. Но игра для меня закончилась, и мир мой раскололся, когда убили Беккс. Но даже тогда я не понимала весь ужас происходящего: если ты однажды попал в преступный мир, то уже никогда из него не выберешься. Он будет следовать за тобой по пятам, пока рано или поздно ты не окажешься с дыркой в черепе от пули.

Или же в комнате с перевернутой буквой А на стене.

В какой же огромной заднице я находилась! И самое пугающее то, что из этой ситуации не было выхода: бежать некуда, просить о помощи некого. Я настолько была беспомощна, настолько подавлена, разбита, что хотелось хорошенько разбежаться и стукнуться головой о стену, да так, чтобы все стены оказались забрызганными кровью, а на полу были раз-

брошены осколки моего черепа.

Но от каждого моего действия, от каждого слова зависела жизнь моих ребят. И мне было страшно представить, что может с ними сделать это чудовище в черном костюме, которому я теперь ПРИНАДЛЕЖАЛА. Как вещь, как раб, как игрушка.

Я крепко-крепко обвила руками колени, положила голову на них и почувствовала, как слезы полились рекой.

– Господи!.. – шептала я. – Дай мне сил это выдержать.

ЛЕСТЕР

– Здравствуй, Глория.

Он снова пришел с подносом.

– Я до конца жизни буду здесь сидеть?

– Нет, – поставил поднос на пол. – Но должно пройти некоторое количество времени. Я очень рад, что ты согласилась на мои условия, но понимаешь, я довольно трепетно отношусь к нововведениям в своей команде. Я толком тебя не знаю, не знаю, на что ты способна. В общем, я должен тебя проверить.

Я больше не чувствовала себя человеком. Я просто бездушный механизм, который теперь захотели еще и проверить на исправность.

– Мои испытания тебе вряд ли понравятся, но, увы, ты согласилась на это. Сперва я хочу проверить твою силу воли, и, вообще, есть ли она у тебя. Я каждый день буду при-

носить тебе подносы с едой, но ты не должна к ним притрагиваться. Все очень просто. Ты проведешь несколько дней, я не буду говорить, сколько именно, ведь так неинтересно. Если выдержишь, то ты молодец, если нет – это будет означать, что ты нарушила наш договор, а каков будет результат, ты уже знаешь.

* * *

Все это казалось таким диким и безумным, что даже хотелось смеяться. А затем плакать, а после просто сидеть, схватившись за голову, и недоумевать.

Внезапно я вспомнила случай с Ником, когда он похитил нас с Мэттом и держал в бункере несколько часов. Я считала его больным ублюдком, но даже он действовал предсказуемо: обычно такие люди устраивают весь этот театр с похищением, для того чтобы хорошенько надругаться над пленниками.

Но этот человек в черном был гораздо изощреннее, чем я думала. Я не нужна ему для сексуальных утех, и он не нацелен на убийство или просто на поколачивание меня забавы ради, ведь он даже зашил мне рану, что говорило о том, что я нужна ему живой. Он методично следовал своему плану. Он исследовал меня.

А может, он из тех чокнутых, что ставят эксперименты над людьми? Исходя из этой мысли, можно понять хоть ка-

кую-то часть его действий.

Я должна была не есть и не пить несколько дней. Интересно, а сколько времени человек может прожить без еды и воды? Если бы я слушала мистера Фитча на уроках биологии, я бы знала.

К счастью, мне не хотелось есть, только от воды я бы не отказалась, но жажда пока была терпима. Я смотрела на поднос. Мой похититель принес жареные куриные ножки, пару стейков и графин с прохладной водой, в которой плавали несколько кусочков лимона и льда. Я отодвинула поднос к двери.

* * *

В животе урчало. Пустота в желудке остро чувствовалась, сигнализируя о себе сильным спазмом. Во рту пересохло, и мысль о том, что всего в паре метрах от меня находится полный графин воды, выводила меня из себя, не давала покоя ни на минуту.

Тем временем Он в очередной раз принес мне еду. Я даже не смотрела в ее сторону, но до меня все равно донесся ароматный запах жареного мяса, отчего мой желудок болезненно свернулся.

Мой организм не получал еды, и поэтому высасывал силы из каждой клеточки, каждого органа. Усталость и головная боль увеличились в несколько раз и лавиной накрыли меня.

* * *

Я уже не чувствовала голода. Я приняла его как данность. Лежала на полу, мои лопатки и позвоночник жутко болели из-за жесткой поверхности, поэтому я еле-еле перекатывалась с бока на бок. Как же хотелось пить, черт возьми! Я ощущала, как вдыхаемый воздух проходит по носоглотке, забирая последнюю влагу с собой.

* * *

Мне казалось, с каждым днем эта дьявольская комната становилась все уже и уже. Стены давили на меня, воздуха порой не хватало, сил настолько мало, что невозможно было даже сделать вдох полной грудью. Мне не снились сны, меня не преследовали воспоминания, я ни о чем не думала. Кажется, наступил тот самый предел, когда тело и сознание человека одинаково измождены и в унисон требовали одного и того же: хотя бы кусочек еды и капельку воды. Больше ничего не хотелось. Ни любви, ни встречи с семьей, ни путешествий, ни денег, ни веселья, ничего из того, что так хочется человеку, когда у него есть самые главные блага: еда и вода.

Я была уже так близка к тому, чтобы сорваться, ринуться в сторону подноса, но меня останавливало несколько факто-

ров. Во-первых, я думала, что не смогу даже встать на ноги, как только перейду в вертикальное положение, тут же упаду в обморок. А во-вторых, в самой глубине моего сознания еще боролась за существование мысль о том, что я не должна сдаваться. Слишком велика цена. Из-за моей слабости пострадают три человека, капля воды приравнивается к трем человеческим жизням.

Я вновь принялась считать секунды, это примитивное занятие помогало хоть ненадолго заглушить мучительное состояние.

* * *

Я не могла понять, что со мной происходит: то ли сплю, то ли теряю сознание. Когда я закрывала глаза, мне казалось, что у меня за спиной появляются крылья и я лечу, а потом внезапно начинаю падать. Я видела лишь один мрак повсюду и чувствовала холод, что сковывал все тело. Я падала спиной вниз так страшно и легко одновременно, и в один момент понимала, что еще немного – и мое тело приземлится. Меня окутывало дикое предчувствие неизбежного столкновения с землей и адской боли из-за переломанных костей, оно отражалось легким покалыванием по спине.

Удар!

Я резко открыла глаза и тут же закрыла из-за ослепляющего белого света.

– Ты справилась, Глория.

Я хочу воды! Но я ничего не могла сказать, только мычала и еле-еле поднесла руки к сухим губам.

Мужчина в черном поднес к моему рту стакан воды. Я с жадностью выхватила его и начала судорожно глотать, а Он тем временем двинул ближе ко мне поднос с едой.

– Ешь, тебе понадобятся силы для следующего испытания.

МИДИ

Я постепенно приходила в себя. Сначала мой организм не хотел принимать в себя пищу: стоило мне проглотить кусочек курицы, как спустя несколько секунд пища с примесью желчи выходила из меня. Кажется, я совершенно адаптировалась к голоду. Но потом я каждые десять минут пила воду и буквально чувствовала, как она распространяется по всему моему пустому телу. Появились задатки бодрости и аппетит, затем я съела еще один кусочек курицы, а затем еще и еще. И вот когда мои ладони сверкали из-за масла, а живот раздуло, словно я съела гиппопотама, я почувствовала себя вновь живой, более-менее энергичной.

Наверное, этого и добивался мой наблюдатель. Он ждал, пока я выйду из предкоматозного состояния, чтобы назначить новое испытание.

Открылась дверь.

На пороге стояла девушка. Белокурые волосы, что сливались с цветом стен моей обители, жуткие синяки под глазами, будто черные повязки, и взгляд, от которого столбенеешь.

Девушка подошла ко мне, а я, сидя на полу, смотрела на нее снизу вверх и не соображала, что нужно делать.

– Я Миди Миллард, – произнесла она так четко, словно

ее имя настолько влиятельное, всем известное, что я должна чуть ли не поклониться ей.

– Ты извини, что мы тут мучаем тебя. Такие уж в нашей семье порядки.

– В семье? Он что, твой отец?

– Кто, Лестер?

– Я... не знаю его имени.

Миди засмеялась.

– Лестер привык, что его все знают, поэтому он никогда не представляется. Нет, он не мой отец. Я, к сожалению, не могу тебе пока всего рассказать, прости.

Я немного расслабилась. Конечно, она пугала меня не меньше, чем Лестер, но с ней я все равно чувствовала себя немного на равных. По крайней мере, она девушка и выглядела еще хуже, чем я. Хотя утверждать не могу, ведь я не смотрелась в зеркало довольно-таки давно, но вид у Миди был действительно странный. Болезненный. Тело тощее, а кожа бледная, даже синюшная.

– Кстати, я пришла к тебе не одна.

Миди открыла дверь, там лежала коробка. Она взяла ее и направилась ко мне.

В коробке кто-то скребся, просился наружу. Миди открыла ее и вытащила... белого кролика.

– Смотри, какое чудо! Я назвала его Пушистиком. Хочешь поддержать?

Я пребывала в замешательстве и даже в легком восторге.

Первые, хоть и слабые, но положительные эмоции за все дни моего заточения здесь. Я потянула руки к нему. Какой же мягкий! Он съежился в моих руках, трясся, поджав длинные ушки.

– Кролики – удивительные создания. Такие милые, но жутко агрессивные, – сказала Миди, а затем вновь начала рыться в коробке, и тут в ее руках оказался нож.

– Держи.

Она протянула его мне, а я тупо смотрела на него, не понимая, какого черта происходит.

– А зачем это?

– Твое новое испытание. Ты должна убить его.

Мне это послышалось?! Она всерьез это сказала?

– Что, прости? – я едва не потеряла дар речи.

– Перережь ему горло, вонзи нож ему в живот. В общем, делай все, что захочешь.

– Нет, я... Боже! Миди, скажи, что это шутка.

– А тебе что, смешно?

И тут я, наконец, поняла весь ужас происходящего. Я была готова ко всему, ведь дни голодовки подтвердили мои опасения: в этом месте со мной будут происходить страшные вещи. Но я даже и представить себе не могла, что все зайдет так далеко. Меня заставляют убить живое существо. Я понимала, что некоторым людям это покажется обычным занятием. Испокон веков люди охотятся, убивают зверей, это считается нормальным. Но я не могла себе это позволить. Я даже не

смогла убить Дезмонда, когда мне представилась блестящая возможность: он лежал у моих ног и со страхом и злостью смотрел на пистолет в моих руках. Я не могла на это решиться. Хотя это животное определенно заслуживало смерти.

– Нет... – Миди сверлила меня глазами. – Нет! – крикнула я и оттолкнула Пушистика. – Я не буду этого делать, я не буду этого делать!!! Вы можете измываться надо мной, как хотите, но я никогда не причиню боль живому существу!

Я говорила быстро и громко. А потом трезвый рассудок вернулся ко мне, и я поняла, что только что сделала: Я НАРУШИЛА ДОГОВОР.

– Хорошо, – спокойно ответила Миди.

Затем она поймала Пушистика, забрала у меня нож, и в следующее мгновение произошло то, что, вероятно, будет сниться мне каждую ночь до конца моей жизни: Миди перерезала горло кролику.

Я кричала, спрятала лицо за дрожащими ладонями. Струи алой крови мгновенно превратили мягкую белоснежную шкурку в красное, кровавое зрелище.

Я начала реветь, захлебываясь в слезах, а Миди с превеликим удовольствием швырнула тельце несчастного кролика в мою сторону, чтобы я окончательно взвыла.

– Глория, ты должна выполнять все задания беспрекословно.

Миди покинула комнату.

Мне принесли еду, а я не могла ее есть. И на этот раз не из-за привычки голодать. Увы, я уже не могла заставить себя как-то отвлечься, я даже не могла заснуть, ведь осознавала, что в нескольких метрах от меня лежит труп.

А еще я понимала одну вещь: это испытание не закончилось. Раз Лестер не появился ко мне и не объявил о том, что договор нарушен, значит, он будет продолжать меня добивать.

И когда Миди Миллард вновь зашла ко мне, я поняла, что мои догадки абсолютно оправдались.

– Привет.

Она держала коробку, раскрыла ее и достала перепуганного кролика.

– Это Пончик. От такой тяжелый!

Я плакала, ведь я прекрасно понимала, что вчерашний кошмарный эксперимент повторится сейчас.

– Миди, я прошу тебя, не делай этого... Умоляю тебя, не делай этого!

Я совершенно не заметила, как стала перед ней на колени.

– Пончик, скажи свое последнее слово, – ласково произнесла она, перед тем как в ее руках заблестело острие ножа.

– Миди, не надо, пожалуйста! – я кричала еще громче, чем вчера, хотя с ужасом понимала, что мои слова ее не остано-

вят, а наоборот, только будут стимулировать.

И вновь о пол разбились капли свежей крови. Через мгновение они слились в темную лужу. Миди бросила кролика. К несчастью, он еще шевелился. Я смотрела на него, словно гипнотизированная, и понимала, что сейчас вместе с этим кроликом погибает и моя душа. Я больше не плакала, и даже ярости во мне не было теперь. Я опустошена. Как будто только что вспороли не кролика, а меня. Все живое меня неминуемо покидало.

– Твое добродушие бессмысленно, – сказала Миди. – Чем дольше ты будешь отказываться от испытания, тем больше трупов здесь будет накапливаться.

* * *

Я окончательно перестала есть. Только пила воду, а потом блевала. Комната была наполнена ужасным запахом. Пушистик начал разлагаться.

Миди вновь меня навестила. И в моей комнате теперь новая жертва – Снежок.

* * *

Хвостик. Миди его так назвала, потому что хвост у него был очень пушистый по сравнению с остальными.

* * *

Злюка. Он долго брыкался в руках Миди, до конца боролся за свою жизнь. Даже пытался укусить ее.

А между тем я задыхалась от запаха гниющих тел. Пришлось порвать свою футболку, превратив ее в топ, чтобы использовать ее нижнюю часть в качестве маски.

* * *

Зубастик.

Я спала только у двери, потому что через маленькую щель просачивалась струйка свежего воздуха. Если бы не она, я, наверное, давно бы отбросила коньки. Вонь стояла дикая. Ее даже невозможно описать. Она настолько токсична, что, едва вдохнув ее, меня начинало рвать. В итоге весь пол был запачкан кровью дохлых кроликов и моей рвотой.

* * *

– Какая же ты упрямая, Глория! Я бы и одного дня здесь не выдержала.

Казалось, я уже привыкла к этому зловонию. Пусть у меня и кружилась голова, а рвотные позывы преследовали каждую

секунду. Я словно одурманена. Мне было уже все равно, что происходит в этой комнате, запачкана ли я кровью. Мне все равно.

– Я не знаю, как его назвать, – сказала Миди, держа за уши очередную жертву. – Может, ты придумаешь ему кличку?

Я не ответила и даже не пошевелилась.

– Ладно, пусть он будет Безымянным.

Миди положила его на пол, а затем покинула комнату.

Я еще долго не могла ничего сообразить. Она не убила его? У меня галлюцинации?

Нет. Кажется, это последний шанс. Наверное, сейчас наступил решающий момент: если я сделаю это, то чудовищное испытание закончится, если нет – то весь этот ужас я терпела зря и мои ребята погибнут.

Я сделала над собой усилие. Поползла в сторону Безымянного, взяла его в руки. Миди не оставила ножа. Я думаю, это и к лучшему. Не хотела видеть, как он истекает кровью. Да и вообще я бы не смогла пережить этот момент, когда я собственноручно вгоню лезвие в его тело и буду чувствовать, как туго оно проходит в его ткани, как беспощадно оно разрывает их.

Мое оружие – мои руки. И я должна была воспользоваться остатком своих сил, чтобы покончить с этим раз и навсегда.

– Прости меня... – шептала я, глядя дрожащего кролика.

Затем я закрыла глаза, обвила его руками, все сильнее и сильнее, и, как только он начал бешено сопротивляться, раз-

жала руки.

Я не могу!

Я выпустила его из своих «объятий», подняла голову и, безумно крича в потолок, начала биться затылком о стену.

– Я не могу! Слышишь, Лестер, Я НЕ МОГУ! Будь ты проклят! Будь ты, мать твою, проклят!!!

* * *

Я потеряла сознание. Либо из-за трупного запаха, либо из-за срыва, который вышиб из меня все силы.

Очнулась, несколько минут пребывала в забытии. Затем мне хватило сил, чтобы оторвать голову от пола. Вся комната была чиста!

Не было трупов, не было ни единой капли крови. Все так же белоснежно, стерильно, как это было в самом начале моего пребывания здесь. Только запах гнили до сих пор чувствовался.

* * *

ДЖЕКИ

Очередной день начался с того, что в моей комнате оказался парень. Хотя даже не парень, а мальчик. Выглядел он лет на четырнадцать: худощавый, жирные волосы, отросшие

до скул, разделены прямым пробором. Несмотря на то что мой очередной посетитель был юн, выглядел он мужественно. Достаточно было посмотреть на его выражение лица: оно очень серьезное и несколько уставшее. Создавалось впечатление, что этот мальчуган многое повидал за свою короткую жизнь.

– Привет, – неожиданно я отважилась начать разговор первой.

– Привет, я Джеки.

Он пытался выглядеть деловито, хотел показать, что, несмотря на свой возраст, он на несколько уровней выше меня, но его забавный, не до конца сломавшийся голос напрочь разрушил его попытки казаться респектабельным.

Он стоял, угрюмо пялясь на меня. Я подошла к нему и заметила, что мой гость пришел не с пустыми руками. Он держал чемоданчик.

– Ты умеешь стрелять? – спросил Джеки.

– Я пробовала.

Вспомнила, как Алекс учил меня стрелять. Моей мишенью был сучок дерева. Тогда я показала неплохие результаты.

Джеки открыл чемоданчик. Внутри него находились какой-то белый плакат, пара наушников и пистолет. Мальчик взял плакат, подошел к самой удаленной от нас стене, повесил его. Это была мишень: на белом полотне изображен во весь рост силуэт человека.

Джеки вернулся ко мне.

– Покажи, – сказал он, свободно отдавая мне пистолет и наушники.

Ну что ж, это испытание мне нравилось. Пока.

Я надела наушники, отошла к двери, расположила пальцы на пистолете так же, как меня учил Алекс. Прицелилась. Я чувствовала, как начинают потеть мои ладони, а затем этот чертов силуэт стал двоиться у меня в глазах. Не знаю, почему я начала нервничать.

И только после того, как я нажала на курок, поняла, что послужило причиной моего волнения: я же косая! Целюсь в одно место – попадаю в другое. Ведь тогда Алекса я поразила отнюдь не с первого раза.

Пуля попала за пределы черных границ мишени.

– И где ты пробовала стрелять? В компьютерных играх? – с насмешкой спросил он.

Я молчала, чувствуя, как меня распирает от злости. Да что этот сопляк возомнил о себе?! Как он вообще попал сюда? Судя по всему, у Лестера такое хобби – собирать всех тупых, безнадежных подростков.

Джеки выхватил у меня пистолет, надел наушники и выстрелил.

Один раз, второй, третий... пятый... восьмой... десятый! Десять раз этот пацан попал практически в одно и то же место – в левую часть грудины, ни разу не промахнувшись, прямо в сердце!

Да уж, тупая и безнадежная здесь только я.

– Как это... возможно?

Джеки, сохраняя все то же серьезное выражение лица, даже не ухмыльнувшись, дабы закрепить свое превосходство, снял наушники и положил их и пистолет обратно в чемоданчик.

Нет, он не пытался быть деловитым, он не был излишне самоуверенным, как все мальчишки в его возрасте. Он никому не подражал. Джеки действительно был таким. Либо его так хорошо выдрессировали. В общем, могу сказать только одно: перед этим пацаненком я теперь испытывала уважение. Ведь он даст фору даже моим ребятам.

– В следующий раз, когда я приду, ты должна повторить это.

– Я никогда не смогу повторить это.

– Ну тогда у тебя будут проблемы.

* * *

Я снова подтвердила свое звание: косая и тупая. В этот раз я даже в сам плакат не попала.

Когда Джеки ушел, я стала репетировать. Представляла, что в руках держу ствол, целюсь и мысленно стреляю. Так я провела весь оставшийся день. Между прочим, довольно увлекательное занятие! Гораздо интереснее, чем считать секунды.

* * *

Я делала успехи. Ну успехом я называю то, что я попала, наконец, в пределы мишени, но вот только не в сердце, а в живот, а потом в пах, затем снова в живот.

Поначалу Джеки как-то комментировал мои неудачи. Его ироничные замечания подстегивали меня двигаться дальше, не сдаваться. Но потом ему, видимо, надоело. Теперь он тупо молчал. И это молчание меня просто убивало.

После его ухода я снова тренировалась, и вскоре у меня началась истерика. Ну невозможно это! Не получится у меня, как бы я ни старалась. Этот Джеки просто суперстрелок. Стрельба – это его призвание, потому он так замечательно справлялся, и именно поэтому Лестер и подослал ко мне его. Он хотел, чтобы я сломалась, чтобы на заключительном этапе я проиграла, ведь Лестер прекрасно понимал, что я не смогу научиться так безупречно стрелять. Ну раз я все равно проиграла, то теперь буду следовать своим правилам.

У меня появилась идея.

* * *

– Сегодня последний день. Больше шансов не будет.

– Сколько тебе лет, Джеки?

Малолетний стрелок не ответил мне. Лишь сердито посмотрел на меня, будто я позволила себе что-то лишнее.

Я подошла к нему, надела наушники, взяла пистолет – все как обычно.

Долго целилась. Выстрел. Пуля попала в ногу импровизированной жертвы.

– Что ты делаешь? – недоумевая, спросил он.

– Я прострелила ему колено. Он упал, ему больно, но все же он готовится сделать ответный выстрел, – я снова выстрелила. – Я попала ему в плечо. Он еще громче кричит. Абсолютно растерян, боль адская. Мучается бедолага, как те недорезанные кролики... Я смотрю на него пару минут. Он немного приходит в себя, а затем я замечаю, как меняется его взгляд: он становится яростным. Он хочет отомстить мне во что бы то ни стало, и даже боль его теперь не остановит. И вот теперь, я делаю вот так.

Совершила выстрелы в самые широкие места мишени: живот и таз. Нажимала на крючок ровно десять раз, превратила плакат в решето. И все это время Джеки смотрел на меня, разинув рот. Собственно, этого я и добивалась.

– Я убила его. Да, я не попала в одну и ту же цель, как ты, но он ликвидирован, – вернула пистолет. – А теперь, Джеки, можешь идти и жаловаться своему хозяину. Хотя нет! Он же и так все видел. Ха! В этом месте нет Бога, здесь есть только эта гребаная камера и Лестер, сидящий по ту сторону.

Не успела я договорить, как Джеки молниеносно вылетел

из комнаты.

Я вновь осталась одна.

* * *

БРАЙС

Я уже с нетерпением ждала новое испытание. С каждым новым заданием я чувствовала, как во мне что-то меняется. Во-первых, я больше не ощущала страха. Эти стены впитали его в себя. Не знаю, возможно, я просто-напросто привыкла к этому месту, оно стало частью меня. Во-вторых, я стала более черствой. Напрасно я полагала, что после всех этих приключений с парнями и Беккс я стала супербесстрашной и даже жесткой. Все же я еще оставалась маленькой ранимой девочкой, которая может легко заплакать, проявлять хоть какие-то эмоции как доказательство того, что я еще нормальный человек.

Но теперь я ощущала пустоту. Все мысли стерты. Сознание чистое. Мне больше не снились сны, меня не гложил воспоминания. Я словно в трансе находилась. Могла долго сидеть, смотреть сквозь стену, а потом лечь спать и видеть только черное пространство. Ничего более. Наверное, это и есть терминальная стадия отчаяния, когда в тебе остается одно-единственное чувство: словно кто-то выпотрошил из тебя все остальные чувства. Душа будто парализована.

Этого и добивался Лестер. Он хотел превратить меня в

марионетку. Правда не знала, для чего именно я нужна ему, но могла с точностью сказать, что теперь мною можно управлять. Ведь мне теперь все равно. Я забыла о страхе, о сопротивлении, борьбе.

Открылась дверь, зашел дуболом.

Я так называю парней, что под два метра ростом, с чрезмерно развитой мускулатурой и довольно туповатым, но в то же время дерзким взглядом. Руки от кистей до ключиц были покрыты татуировками, голова лысая, выступающие части черепа, покрытые бледной блестящей кожей, смотрелись устрашающе.

– Подойди-ка мне, – сказал он.

Я спокойно выполнила его просьбу. Хотя он сказал таким тоном, что, скорее всего, нужно было расценивать его слова как приказ. Но мне было все равно. Я уже столько раз видела подобных ему типов, что меня уже не удивить. И уж тем более не напугать.

– Вы даже не представились. Как невежливо.

И после этих слов его кулак познакомился с моей челюстью. Я буквально отлетела от него, упала и сильно ударилась грудной клеткой о пол. Мягко сказать, что я была шокирована. Несколько секунд я вообще не понимала, что произошло.

– Меня зовут Брайс, – гордо представился он, а затем добавил: – Вставай.

Я почувствовала, что что-то ползет по моему подбородку, дотронулась до него, а это, оказалось, кровь сочилась из гу-

бы. Немного собравшись с мыслями, я встала.

Брайс ударил меня снова.

Я вновь упала, теперь он попал мне по носу, и кровь из него хлыстала, попадая в рот. Я сплюнула в сторону.

– Вставай.

Теперь я точно знала, чего ожидать. Я еле-еле поднялась и получила новый удар. И так, наверное, мы провели минут тридцать. Он бил, я падала, вставала. Затем снова следовал удар, я едва не теряла сознание и, уже не обращая внимания на свое лицо, залитое кровью, вставала и ожидала очередного удара.

После заключительного падения я уже не смогла подняться. Весь рот был в крови, у меня не было сил, чтобы ее сплюнуть, приходилось глотать. Брайс что-то мне еще говорил, но я его уже не слышала. Только смотрела на его ноги. Они были в черных кожаных сапогах со шнуровкой, похожие на солдатские. Как только эти ноги начали удаляться от меня, а затем и вовсе исчезли за дверью, я выдохнула с облегчением.

* * *

Как же болело тело! Мне принесли еду, а я снова не могла ее есть. Хотя на сей раз аппетит у меня был зверский. Челюсти с трудом разжимались, боль простреливала, стоило лишь малейшее движение сделать. Жевать я не могла, оставалось только пить воду малюсенькими глотками, чтобы хоть чем-

то заполнить желудок.

Явился Брайс, и все началось по новой. Он говорит: «Вставай», я выполняю приказ, он бьет, я со стоном падаю, выхаркиваю кровь и снова встаю. Однажды мне удастся увернуться от удара, но это, скорее, просто случайность или же дуболом позволил мне немного передохнуть.

* * *

Ему, видимо, наскучило бить меня по лицу, так что сегодня он решил отыграться на всем моем теле. Не успела я моргнуть, как Брайс схватил меня за руку, скрутил и швырнул в сторону. Я стукнулась о стену, упала, и мне не удалось даже закричать от боли: открыла рот, а из него вылетел лишь тихий стон.

Мне порой казалось, что я вешу от силы килограммов двадцать, ведь Брайс так лихо обращался с моим телом. Я превратилась в бойцовскую грушу. Но вместе с тем, выносливость моя выросла в разы. Я не понимаю, как это вообще возможно, но с каждым днем я все легче и легче переносила его удары.

Вероятно, Лестер и проверял мою выносливость. Ведь глупо думать, что это испытание направлено на то, чтобы узнать, смогу ли я вступить в схватку с этим головорезом. Я никак не смогла бы с ним справиться, поэтому мне оста-

валось только терпеть. Терпеть, как голод, терпеть, как вонь гниющих кроликов. Просто терпеть и вставать. Выхаркивать боль вместе с кровью и вставать. Отшвыривать мысли о том, что следующий удар, возможно, может стать для меня последним, и вставать.

– Ну что, Глория, ты готова?

– К чему?

– Сегодня мы видимся последний раз. Не разочаруешь меня?

Я ничего не ответила. Лишь медленно поднялась, сделала неуверенные шаги вперед и уже предвкусила оглушительную боль от будущего удара. Я следила за его руками, заметила, как дернулась правая, – тут же уклонилась влево. В бой пошла левая – отпрыгнула вправо. Меня это начало жутко забавлять! Адреналин забурлил в моей крови, силы резко воспрянули. Брайс сделал шаг вперед – я мигом отскочила назад, он замахнулся – а я уже отбежала в противоположную сторону. Я вообразила себя дрессировщицей, находящейся на арене цирка. Рядом со мной опасный зверь, готовый разорвать меня в клочья, но я его нисколько не боялась, он злился, а я только питалась его злостью и становилась еще увереннее и сильнее.

Но тут все резко начало плыть перед глазами. Я толком ничего не видела, абсолютно потерялась в пространстве, шаталась из стороны в сторону. Брайс воспользовался момен-

том и ударил меня под дых. Я скрючилась и стала кашлять до тошноты, казалось, что сейчас меня стошнит собственной селезенкой. Дышать очень больно. Сознание затуманено. И тут Брайс схватил меня, перевернул вверх тормашками и бросил на пол.

– Вставай.

За все те дни, что мы тут «упражнялись», так больно мне еще не было. Но все же я встала. Сама не понимаю, как мне удалось откопать на это силы.

Теперь я едва стояла на ногах, перед глазами плавали какие-то темные круги. Я уже не могла следить за движениями Брайса, только интуитивно пыталась отскакивать то вправо, то влево. Но меня это не спасло: Брайс нанес еще один удар.

Я приземлилась на спину. Разом меня покинули все силы. Я была еще в сознании, но не могла открыть глаза. Тело отказывалось мне подчиняться.

– Вставай.

Я не могла. Лежала и чувствовала легкость и жуткую боль одновременно. Необъяснимое сочетание чувств навалилось на меня, да так сильно, что я не могла выдать из себя ни звука. Мне казалось, что я нахожусь под грудой здоровенных камней.

– Вставай!

Мой рот раскрыт, воздух лениво проникал в меня. Я так злилась на себя, так злилась! Была бы воля, я бы сама себя избила за свою слабость.

– И эта девчонка надрала задницу Уайдлеру? Кажется, мы ошиблись, Лестер.

Услышав фамилию убийцы Ребекки, я распахнула глаза, и впервые за долгое время меня посетило одно горькое воспоминание: та ночь, когда мы должны были встретиться с Ричем, другом Алекса, что должен был ему денег. Я видела лицо Дезмонда, вспомнила, как он ударил меня, я упала и была так же бессильна, как сейчас. Я лежала и ждала смерти. Я так безумно хотела ее! Но потом до меня донесся голос Беккс, а далее раздался выстрел. Черт возьми! Если бы я тогда нашла в себе силы подняться и перевести внимание Дезмонда на себя, он бы ее не застрелил. Он бы не убил мою Ребекку! Но тогда я поддалась слабости.

Из-за этой проклятой слабости я лишилась подруги.

Мне стало так больно, но не от этих травм, что нанес мне Брайс. Боль раздавалась из глубины моей души.

Я слишком много жалела себя, слишком буквально воспринимала слабость. Я не должна ей подчиняться, ведь я гораздо сильнее, чем мне кажется.

Я гораздо сильнее!

И я встала. Медленно и с великими усилиями, но встала. Во мне проснулась ненависть, переходящая в мощное желание мести. Я еще никогда не была так яростна. Смотрела на Брайса, но вместо него видела Дезмонда. Я помнила каждую его деталь, каждое его слово, каждую ухмылку. В ту ужасную ночь, когда Ребекка умирала на моих глазах, я покля-

лась отомстить ему. Но потом на меня навалилась еще ку-ча дерьма. Сейчас во мне воскресло это желание отомстить. Брайс надавил на самую болезненную точку моей души.

Я рывком кинулась на него и стала его колотить. Так сильно и настойчиво, что он едва не потерял координацию. А я продолжала бить – по голове, по груди, по животу. Он оттолкнул меня, надеясь, что я вновь упаду, но этого не произошло. Каким-то чудом я сохранила равновесие, и с разбегу бросилась на него всем телом, и левой рукой ударила ему по черепной коробке.

И вот тут я стала кричать. Я не рассчитала силы и так сильно ударила рукой, что теперь она адски болела. А Брайсу хоть бы что. Немного проморгавшись, он приблизился ко мне и начал ощупывать мою руку.

– Поздравляю, Глория, у тебя перелом, – с улыбкой сообщил мне он.

– Как перелом?! – визжала я.

– Да успокойся. Моя лучевая в трех местах была переломана, и ничего, все срослось.

Он говорил со мной так, будто мы с ним старые приятели. Я боялась даже дотронуться до руки, казалось, что от любого прикосновения ситуация еще больше усугубится. Зациклившись на своем переломе, я даже не заметила, как Брайс покинул комнату. Но через несколько минут он вернулся с целым набором инструментов.

Сначала он что-то вколол мне в руку, а затем стал ее гипс-

совать. Весь этот длительный процесс мы провели в молчании. Брайс все делал так умело, уверенно, хотя он абсолютно не похож на врача, да и вообще на человека, которого хоть как-то привлекает медицина.

Я вновь поймала себя на мысли, что Лестер держит рядом с собой необычных людей. Хотя вначале возникает совершенно противоположное мнение. Миди прежде казалась обычной тощей блондинкой с парой извилин в голове. Я никогда бы не подумала, что это милое, светлое создание способно безжалостно убивать. Джеки на первый взгляд казался обычным пацаненком, который неизвестно как затесался рядом с Лестером. А на самом деле он являлся первоклассным стрелком. Во всяком случае, меня он поразил. А Брайс вообще первый дуболом, который помимо бесконтрольного битья еще и в медицине шарил.

После наложения гипса, он снял швы с моей раны на голове. Я уже и забыла о ней.

– Через четыре часа вколю еще обезболивающее, – сказал он, направляясь к выходу.

– Надо же, какая забота! – вырвалось у меня.

Но он уже не слышал этого. Дверь закрылась.

Испытание продолжалось.

СЕВЕР

Ночь я провела тяжело. Меня то знобило, то бросало в жар. Пот скатывался по лицу, задевал раны, отчего они начинали жутко щипать. Но это еще ничего по сравнению с тем, как болели мои мышцы и кости. Ощущение было такое, будто они в узел завязываются. Обезболивающее, что вколол мне Брайс, едва помогало. Несколько раз меня стошнило, я даже не успевала доползти до унитаза. Комната постепенно превращалась в дико омерзительное место.

Потом я заснула, но мой долгожданный сон прервался скрипом двери: у меня новый гость.

На этот раз девушка. В руках держала яблоко и кейс. В глаза сразу бросился ее цвет кожи: смуглый, теплый. Черные, блестящие волосы заплетены в сотню косичек и собраны в хвост. Еще у нее очень красивые глаза: они, кажется, зеленые или нечто вроде того. На фоне ее темной кожи они сверкали и завораживали. Она была похожа на амазонку. Дикарка с потрясающим лицом и крепким духом.

– Ну и раскрас у тебя! – сказала она.

Я пыталась улыбнуться, но не вышло – челюсть до сих пор болела. Боюсь вообще представить, что тогда творилось с моим лицом. Оно и так не было красивым, а теперь и вовсе перебито. Оно настолько опухло, что порой казалось, будто

мне нацепили какую-то маску сверху.

– Меня зовут Север.

Север... Какое странное имя!.. С ее южной внешностью оно совершенно не вяжется. Но она мне понравилась. Север просто воплощение женской силы.

– Сегодня мы будем проверять твою скорость, – сказала она, словно врач, оглашая методику очередной терапии.

Правой рукой дотронулась до стены и, медленно разгибая колени, попыталась подняться. Выглядела совсем жалко.

Север отошла к двери и положила на пол яблоко.

– Принеси мне яблоко.

Я минуты две стояла, растерянно глядя на нее. Что это за испытание? Ну ладно, раз она дала такой приказ, значит, мне нужно его выполнить.

Пошла в сторону яблока, старалась делать это как можно быстрее, но ноги, едва живые, плелись так тяжело, словно к ним привязали гири.

И в этот момент началось самое интересное. Я сосредоточенно ковыляла к яблоку, и тут всего в нескольких сантиметрах от меня приземлился нож. Я резко остановилась, повернула голову в сторону Север, а та уже готовилась запустить в меня следующий нож. Теперь я заставила себя двигаться быстрее! Нож стукнулся о стену всего в паре сантиметров от моей макушки. Я в панике! Ходьба превратилась в бег. Превозмогая боль, я бежала к этому проклятому яблоку, но тогда казалось, что комната стала в разы длиннее. Мне уда-

лось избежать еще пару ножей, но тут я почувствовала пронзительную боль в ноге. Один из ножей все-таки задел меня, но, к счастью, я успела немного поддаться вперед, и нож не вонзился в меня, а лишь поцарапал и упал на пол. Вместе с ним упала и я.

Север достала из кейса аптечку, обработала рану спиртом и заклеила повязкой.

– Тебе больно, я понимаю. Но поверь, осталось совсем немного. Ты прошла тяжелый путь, и сейчас не время останавливаться.

Все же мне нравилась Север. Это был первый человек из клана Лестера, который казался абсолютно адекватным, понимающим.

* * *

Все испытания шли по одному и тому же сценарию: сначала ознакомление, как правило, оно оборачивалось для меня неудачей. Далее следовали дни тренировок. Каждый новый день похож на предыдущий, я постепенно осваивалась, вливалась в испытание, понимала его цель, программировала себя на его выполнение. И наконец наступал день икс – заключительный этап, последний шанс показать себя.

И вот, согласно сценарию, Север вновь зашла ко мне. Положила яблоко, взяла в руки ножи, я на трясущихся ногах бежала, «ускорители» моего бега пролетали мимо меня, и,

как только я добежала до яблока, один из них все же задел меня. Но, слава богу, его мишенью оказался мой гипс.

* * *

Мне нельзя было больше сидеть на одном месте, корчась от боли. Я должна разминаться, заставить свое тело ожить. Сначала я много ходила от стены к стене, потом начала приседать. О, это доставляло мне еще больше боли, чем бег, но тут ничего не поделаешь. Я вспомнила, как здорово удирали от копов или же сбегала из дому. Я была неуловима! У меня есть скорость, я могу быть очень быстрой. Скорость – это главное мое оружие. Ведь когда не умеешь нормально драться, то остается только один выход – бежать. Этому меня жизнь очень хорошо научила.

Север вернулась. За мной вновь гонялись ножи, но на этот раз им не удалось меня догнать. Я добежала до яблока, взяла его в руки и уже не так быстро, но все же вернулась к Север, чтобы отдать ей мой трофей.

– Ты чувствуешь, как меняешься, Глория? – напоследок спросила Север.

– О да! – едва отдышавшись, ответила я.

– Приятно слышать. До скорой встречи.

Как же я не хотела, чтобы она уходила! Мне так приятно было в ее обществе! Такой уверенной я еще никогда себя не чувствовала. И все это благодаря Север.

САЙОРС

Я вспоминала великолепное ощущение от прохладных капель весеннего дождя на моих пальцах. Интересно, какая сейчас погода? О чем говорят люди? Как же хотелось вдохнуть запах мокрого асфальта или гниющей листвы в парке, услышать пение птиц, даже раздражающее карканье ворон. Вороны... Как хорошо быть вороной! Летишь куда хочешь, думаешь только о червях и где бы найти вонючий мусор на ужин. Ворона никогда не попадет в клетку, ведь она не умеет петь и радовать глаз.

Как хорошо быть вороной!..

Зашел бритоголовый темнокожий парень невысокого роста, в руках держал пакет. Незнакомец дошел до середины комнаты, сел и жестом показал мне, что я должна подойти к нему. Я не мешкая подошла, села рядом с ним.

– И что мне нужно делать?

Парень ничего не ответил, развернул пакет и достал устройство, напоминающее бомбу.

Мать вашу, да это и в самом деле бомба! Мой задорный настрой исчез восвояси.

Устройство состояло из толстых, обмотанных серым скотчем, металлических цилиндров, соединенных множеством разноцветных проводков. На вершине этих цилиндров рас-

полагались небольшие электронные часы с обратным отсчетом: двадцать, девятнадцать, восемнадцать...

Парень начал озадаченно возиться с бомбой: одни провода разъединял, другие соединял. И молчал. Меня это начало раздражать. Предыдущие гости хоть как-то разъяснялись со мной, ставили условия, я уже привыкла к этому! Мне оглашают приказ – я его выполняю. Такова дрессировка Лестера.

– Почему ты молчишь? – спросила я, но тот все равно не обращал на меня внимания, все копался в проводах.

– Эй, ты слышишь меня?

Я, наконец, обратила внимание на его руки, а если точнее, меня привлекла тату на левой кисти – «Сайорс».

– Тебя зовут Сайорс?

Он кивнул. Ничего себе! Неужели я добилась от него хоть какого-то ответа!

Затем он быстро засунул бомбу обратно в пакет и так же незамедлительно покинул помещение.

Я сидела в прострации, так ничего и не поняв.

– И что это значит, Лестер?!

* * *

Я валялась на полу, смотрела на стены, считала количество кафеля. Затем мой покой нарушил Сайорс, который заявился с тем же пакетом в руках.

– Привет, Сайорс.

Как всегда, следовало молчание.

– Мне сегодня впервые приснился сон. Очень странный сон. Стены этой комнаты говорили со мной. У них были такие противные голоса...

Пока я вела свой бессмысленный монолог, Сайорс оставил пакет в середине комнаты и после покинул меня.

– Сайорс?

Я живо подбежала к пакету, открыла его и с ужасом осознала, что в нем вчерашняя бомба! Я рухнула на колени.

– Какого...

Красные цифры на дисплее, прикрепленном к устройству, уже во всю мигали: двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь...

– Черт, вы что, издеваетесь?!

Меня трясло не по-детски, я боялась даже прикоснуться к бомбе.

– Так, спокойно, Глория. Он вчера показывал, что нужно делать. Он... перерезал какой-то провод. Точно! Синий провод, я видела синий провод!

Двадцать три, двадцать два...

Но как я его перережу, если этот говнюк не оставил ножа? Тут же я развернулась и побежала к дальней стене, где висел плакат, на котором я упражнялась стрелять. Пули раскололи кафель, можно было выковырять осколок и использовать его в качестве ножа.

Никогда в жизни я еще так быстро не соображала. Побе-

жала с осколком к бомбе: девятнадцать, восемнадцать...

Разделалась с синим проводом.

– А что дальше?! Он оборвал еще одну цепь, но как?!

Тринадцать, двенадцать...

Я в полном ауте. У меня ни единой мысли не было, как действовать дальше, ведь вчера я была так увлечена выдалбливанием хоть какого-то слова из Сайорса, что совершенно не следила за его манипуляциями. Я сидела, тупо уставившись на устройство, и понимала, что я конкретно облажалась.

Девять, восемь...

С одной стороны, мне было уже все равно, жить или умереть. Ведь, как я понимала, той жизни, которую я хотела, у меня уже никогда не будет. Я погрязла в этом месте навсегда. Но с другой – я печально осознавала, что из-за моей ошибки погибли ребята. Я подписала смертный приговор себе и им.

Пять, четыре...

Видела лицо мамы, а затем бабушки. Как долго я о них не вспоминала. Интересно, вспоминали ли они обо мне?

Два, один...

Я, крепко зажмурившись, съежилась и с нарастающим страхом предвкушала то, что сейчас произойдет.

Но затем прошла еще одна секунда, а затем вторая, третья... Тишина.

Я открыла глаза. Вся одежда в поту – хоть выжимай!

Медленно повернулась на бок: бомба лежала на том же

месте, только дисплей погас. Я долго пялилась на нее, боясь даже громко выдохнуть. Почему-то мне казалось, что от любого действия она вновь перейдет в рабочее состояние.

Но тут открылась дверь, и в комнату зашел парень, которого я прежде не видела.

* * *

ДОМИНИК

Волосы соломенного цвета, глаза карие с прищуром, бледные щеки усыпаны веснушками. Улыбаясь, вальяжной походкой, спрятав руки в карманы черных джинсов, он приблизился ко мне, а я до сих пор лежала на боку, не шевелясь.

– Привет, Глория.

Я молчала и лежала, а парень все с той же улыбочкой пялился на меня, словно на идиотку. Хотя, впрочем, я действительно выглядела, как полная идиотка.

– Тебя, случаем, не парализовало?

Я глядела на бомбу, затем на парня. Он подал мне руку, и я наконец-то встала.

– Я проиграла?

– Это не игра, Глория.

Представила, какой у меня сейчас виноватый взгляд. Как же я была уверена в себе до этого дня, а теперь вся эта уверенность оказалась на дне унитаза, что стоял у стены напротив.

– Расслабься, все хорошо. М-м... Будем знакомы, я Доминик.

– Я могу еще раз пройти это испытание? – абсолютно не замечая его слова, спросила я.

– Эй, ты меня вообще слышишь? Я говорю, что все хорошо. Все закончилось. Несмотря на это, ты крепко держалась. Честно говоря, я бы не смог столько находиться здесь, как ты.

– А сколько я тут нахожусь?

– Около двух месяцев.

Меня как будто палкой по голове ударили. Я жила в этой клетке почти два чертовых месяца! Господи, я совершенно не заметила, как пролетело время. Да как я вообще с ума здесь не сошла?!

Два месяца...

– Сейчас я выведу тебя отсюда, покажу нашу территорию, если хочешь, конечно. А то могу дать тебе поспать пару часов. Девочки уже приготовили тебе чистую постель и...

И в этот момент мы услышали страшный грохот, что раздался за дверью. Доминик растерялся.

– Подожди, я сейчас, – сказал он и вылетел за дверь.

Я на цыпочках подкралась к выходу, прислушалась. Как-то потасовка происходила за пределами этой комнаты. Громкий топот, затем послышалось нечто вроде ударов, потом словно кто-то упал, мужские вопли.

Я резко открыла дверь, за ней скрывался мрак. Выглянула

– ничего не видно. Сделала шаг вперед, затем второй, третий. И вот, я уже за пределами моей клетки. Я абсолютно не владела собой, я даже на долю секунды задумалась, как это я смогла решиться открыть дверь и выйти наружу, ведь за мной наблюдает Лестер! Но я продолжала идти так уверенно, без страха и сомнения. Впереди темный коридор, который заканчивался поворотом налево. За этим поворотом был свет, блеклый, но хоть немного разбавляющий темноту.

– Эй! – крикнула я во тьму.

– Глория!

Я узнала этот голос. Сорвалась с места, побежала вперед, повернула налево и увидела Логана! Его руки сжимали горло Доминика, а тот мертвой хваткой также вцепился в его шею. Они лежали на полу, лица красные, у обоих вены выступали на лбу.

– Возьми пистолет, быстро! – кричал Логан.

Я осмотрелась, увидела ствол в трех метрах от себя, спустя несколько секунд он оказался в моих руках. Я чувствовала, как силы покидают Логана, а ярость Доминика растет.

– Ну, чего ты ждешь?! Стреляй! Я пришел за тобой!

Я направила ствол. Совершенно спокойно, без каких-либо эмоций. Неужели он действительно пришел сюда, чтобы спасти меня? Но тогда где же он пропал столько времени?! Почему именно сейчас он здесь? А далее меня пронзило мощное ощущение, что за моей спиной стоит Лестер. Он наблюдает за мной, оценивает каждое мое действие. За то

огромное количество времени, что я находилась в той комнате, я настолько сильно привязалась к мысли, что теперь я ПРИНАДЛЕЖУ Лестеру. Его план сработал. Я действительно слабо контролировала себя, словно в меня вживили какой-то механизм, что теперь полностью управляет мной. Я робот. Я просто бездушный механизм, который запрограммирован на четкое выполнение конкретных действий.

Я прицелилась и, не моргнув глазом, сделала выстрел в бочину Логана. Доминик отбросил его тело, задыхаясь от кашля. Затем встал, подошел ко мне. В моих руках до сих пор находился пистолет, направленный в его сторону. Я перевернула его рукояткой вперед и отдала Доминику.

Я только что выстрелила в человека и при этом абсолютно спокойна. А несколько недель назад я не могла придушить вонючего кролика.

Коридор напичкан множеством дверей. Одна из них открылась.

Лестер.

Он медленно шагал к нам. Стук его жестких подошв разносился эхом по мрачному коридору. Я выпрямилась, словно солдат при виде генерала.

– Знаешь, какова цель этого испытания? – спросил Лестер.

Испытания?!

Я ничего не смогла ответить, мой рот будто скотчем заклеили.

– Доверие. Мы проверяем доверие. По моему убеждению, это самое главное качество взаимоотношений между людьми. Доверие – основа всего.

Он смотрел мне прямо в глаза, а я покорно слушала его.

– Ты оправдала мои ожидания, Глория.

Я продолжала заворуженно глядеть на него, а где-то в стороне Доминик смотрел на нас и всеми силами пытался подавить смех.

– Логан, вставай, спектакль окончен.

Мои глаза едва не вылетели из орбит от удивления. Человек, в которого я стреляла, преспокойно встал и, смеясь, отряхивал пыль со штанов.

– Лестер, ты в курсе, что твои фразочки можно использовать в очередной саге «Крестного отца»? – сказал Логан, демонстративно снимая футболку, под которой находился бронжилет.

Мы столкнулись взглядами. Я уже и не заметила, как на моих глазах появились слезы. Даже не знаю, кто из нас более мерзко поступил: я, что всадила пулю в него, или он, что предал Алекса и с самого начала был в клане Лестера. Подстроил сцену с нападением... Пока я радовалась предстоящей встрече со Стивом, этот конченный ублюдок знал, что везет меня в логово зверя.

Я разочарованно глядела в сторону. Ну, что ж, Глория, ты хотела расстаться с жизнью? Вот и получай. У тебя больше ее нет.

Лестер протянул мне свою руку. Я протянула в ответ.
– Добро пожаловать в «Абиссаль», – сказал он.

Часть 2

Погружение

5

Передо мной распахнулась дверь, и чрезмерно яркий свет для моих привыкших к тьме лабиринта коридоров глаз заставил меня зажмуриться, словно кто-то только что воспользовался вспышкой фотоаппарата.

– Чего стоишь? Иди вперед, не бойся, – сказал Лестер.

Я сделала шаг вперед, с опаской огляделась, пытаюсь понять, где же я все это время находилась. Огромное здание напоминало букву О: в центре располагались величественные лестницы с зелеными блестящими ступенями, а по окружности выстроено множество комнат. Пол, выложенный холодными мраморными плитами, стены, выкрашенные темно-зеленой краской, в тех участках, где свет от люстр не падал на них, они казались черными. И возвышался над всем этим массивный купол с маленькими окошечками, через которые проникали лучи солнца, смотря на них, казалось, что ты находишься в огромной темнице, и только две крошечные дырочки, сквозь которые сочился свет, напоминали о внешнем мире. Под всем этим великолепием скрывались многочис-

ленные подземные лабиринты, в которых и находилась моя комната.

Все увиденное мною меня одновременно поразило и испугало.

– Что такое «Абиссаль»? – спросила я.

– Место, в котором мы находимся, – слегка улыбнувшись, ответил Лестер.

– Это название вашей банды?

Лестер остановился, посмотрел на меня, ухмыляясь.

– Мы не бандиты.

Мы дошли до одной из комнат. Помещение больше напоминало какой-то царский зал: в центре стоял длинный деревянный стол, с потолка свисала старинная черная люстра, небольшие окна разместились на противоположной стене, я заметила решетки, стоявшие позади них.

– Миди, проводи ее до ванны, не забудь дать чистую одежду.

– Хорошо.

Путь до ванны оказался длинным. Мы должны были подняться на третий этаж, затем пройти вперед, оставив позади себя около двадцати комнат.

– Поздравляю тебя.

– С чем? – резко спросила я.

– Ты выдержала. Признаться, когда мы узнали о замысле Лестера, нам всем казалось, что ты сломаешься на первом же этапе. Но мы ошибались.

Пол казался льдом, мои ступни немели от холода.

– Ваш дом напоминает мне больницу.

– Так и есть. Раньше здесь был госпиталь, уж не помню в каких годах, а потом здесь вроде держали умалишенных.

Мы, наконец, дошли до ванной комнаты. Среди кафельных, потрескавшихся стен стояла одинокая ржавая ванная, за ней наблюдали три зарешеченных окна, на одной стене висело зеркало, возле него стоял столик, на котором аккуратно сложены в стопку полотенце и какие-то вещи.

– С горячей водой тут напряженка, трубы совсем старые, – сказала Миди, открывая краны.

Сначала показалась коричневая вода, затем струя начала светлеть.

– Так, вещи лежат на столе, полотенце тоже. Вроде бы все. Если что-то еще нужно – зови.

Как только Миди покинула комнату, я с облегчением выдохнула. Да, ванна мне была крайне необходима. Моя кожа, два месяца не знавшая воды, покрылась черной коркой. Это запекшаяся кровь вместе с рвотой, потом и еще бог знает с чем. Одежда превратилась в лохмотья бомжа, вид ужасный, а запах еще хуже. Правой рукой пыталась снять с себя джинсы, несколько минут мешкалась с футболкой. Работать одной рукой катастрофически неудобно, но все же я справилась со своей задачей, обнажилась и подошла к зеркалу. Я так давно мечтала взглянуть на свое лицо, и вот теперь, когда мне представилась прекрасная возможность осу-

щесвить это, меня посетило знакомое чувство страха. Что же я увижу в отражении? Кажется, мое лицо стало еще уродливее, чем раньше. Но на деле все оказалось еще хуже, чем я думала. Глядела в зеркало, а оттуда на меня смотрел совершенно незнакомый мне человек. Лицо бледно-синее, скулы торчали, а под ними образовалась впадина, глаза стали больше, красные, усталые. Правая сторона лица посинела под глазом, с левой стороны увидела небольшую красную царапину, лоб украшал шрам, что подарил мне отец, губа разбита, увеличена, рана прикрыта красной корочкой. Взгляд спустился ниже: ключицы выпирали, оканчиваясь острым бугорком на хрупких плечах, при вдохе показывались ребра, бочину украшал шрам после пореза, оставленного осколком стекла в тот день, когда мы с Алексом попали в аварию. Ноги стали тонкими, кости, что скрывались в недрах жира и мяса, теперь были видны невооруженным глазом. Я не узнала свое тело, раньше я так комплексовала по поводу лишнего веса, сидела на диетах, что советовала мне Тез, а тут оказывается, нужно было просто попасть к Лестеру, и за два месяца он превратит меня в мумию!

За то время, что я себя разглядывала, ванная уже успела наполниться. Вода холодная, но это меня не смутило. Я представила, что окунаюсь в прохладные воды океана. Погрузила одну ногу, затем вторую, дошла очередь до тела. Мышцы сковывало мгновенно, раны стали щипать, челюсть дрожала. Руку, что в гипсе, я старалась не мочить, здоровой рукой пы-

талась тереть тело, вода вмиг стала темнее.

* * *

Дрожащая, вся покрытая гусиной кожей, я вылезла из ванны. Скрючившись, побрела к столу за полотенцем и одеждой. Мне предоставили футболку, которая настолько длинная и широкая, что легко могла сойти за платье и спортивные штаны, их необходимо было туго затянуть, чтобы они не скатились с меня. Выглядела я неуклюже, но в то же время жаловаться мне не на что, хорошо хоть поделились чистой одеждой. Открыла дверь, сразу ворвался поток холодного воздуха. Покинула ванную и автоматически направилась к лестнице. Люстры, напичканные почти через каждые два метра, едва спасали от тьмы, что поглотила это здание. Я слышала отдаленные голоса, смех, они доносились с первого этажа. Как можно быстрее старалась спуститься вниз, одной здесь находиться было страшно. Среди этих молчаливых, тоскливых стен, жуткого желтого света, пугающего скрежета, завывания ветра казалось, что на этом этаже находилась не только я. Надо же поселиться в бывшей психушке! Это же каким безумным нужно быть!..

Тем временем я оказалась на первом этаже и шла на голоса. Дошла до того большого зала с длинным столом, там, расположившись на стульях, беседовали Логан и Брайс.

– Я тоже отправлюсь с Лестером. Это рискованное дело, –

сказал Логан.

– Если Лестер идет на риск, значит, он оправдан.

– Хочется в это верить, Брайс, но все же времена изменились, люди – тоже, кто знает, что сейчас творится в голове у его любимчика. О, Глория! – наконец, заметил меня Логан.

Я смотрела на него с такой злобой, пытаюсь взглядом сказать, как сильно я его ненавижу.

– Перестань так смотреть на меня. Я понимаю, ты на меня злишься, но...

– Я не на тебя злюсь, а на себя. Как же я была слепа!.. Алекс до сих пор доверяет тебе, ты ведь ему обещал...

– И я выполнил все свои обещания, Глория. Я вывез тебя из Флориды, обеспечил тебе безопасность. Все, о чем просил меня Алекс, я выполнил. Я человек, который всегда отвечает за свои слова.

Я не сдержалась и начала громко смеяться.

– Чего смеешься?!

– Ты не человек, Логан. Ты пес. Хорошо выдрессированный пес.

В глазах Логана вспыхнула ярость, он сорвался с места, и тут я почувствовала, как кто-то положил мне руку на плечо.

– Рад, что тебе стало лучше, Глория, – сказал Лестер.

Логан моментально успокоился, словно маленький ребенок, увидевший грозного отца.

– Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Спустя несколько минут мы оказались около очередной

незнакомой мне двери. Лестер распахнул ее, и теперь я, наконец, увидела, что скрывалось за ней.

– Кухня... – сказала я, обегая глазами каждый миллиметр помещения.

В центре стоял большой стол, а по периметру выставлены кухонные шкафы, плита, над ней висела мощная железная вытяжка, рядом стояли столики, заваленные кухонной утварью.

– Да, с завтрашнего дня ты будешь здесь работать. Деньги на еду будешь брать у Доминика, завтра Север покажет тебе местную территорию, магазины и прочее. Надеюсь, готовишь ты лучше, чем дерешься?

– Но... – комок из слов застрял у меня в горле.

– Ты, наверное, ожидала другого?

– Ну... Да. Не зря же вы устроили испытания...

– Именно, не зря. Испытания показали, что ты годишься только для кухни.

Даже не знала, радоваться мне или нет. С одной стороны, прекрасно, что я не буду замешана во всех делах, чем занимаются Лестер и его люди, хотя я понятия не имела, чем они промышляли. Но с другой... Черт возьми, я жила несколько дней без еды, смотрела на мертвых кроликов, терпела побои... Неужели я пережила все это ради того, чтобы потом стоять у плиты?

– Тогда вынуждена вас разочаровать. Я и готовить не смогу, – сердито сказала я, показывая гипс.

– Значит, мы умрем с голоду из-за тебя.

Лестер вернулся в большой зал. Там уже собралась толпа обитателей дома: Миди, Север, Сайорс, Джеки и Доминик.

– Логан, Брайс, поехали. Метель разыгралась не на шутку, нужно успеть выбраться отсюда до темноты.

Дуболом и Пес вскочили с мест и присоединились к Лестеру. Все вместе они направились к мощной деревянной двери, за которой скрывалась улица.

– А можно я тоже выйду? – спросила я.

– Выходи, если не боишься отморозить свои тощие ножки, – ответил Брайс.

Я последовала за ними, дверь открылась, и порошок белого снега влетел в холл. Готова поспорить, что все присутствующие были уверены, что я не смогу выйти наружу босая, без верхней одежды, но я опровергла их надежды. Мои ступни коснулись снега, что пушистым покрывалом лежал на ступенях. Вокруг все белым-бело, увидеть детали местности, где мы находились, было очень трудно. Безумный, суровый ветер, разнося снежную пыль, создавал белую пелену. Кажется, я видела что-то темное. Точно, это деревья, они стояли по бокам могучей стеной, похожие на страшных седых гигантов из-за мощных ветвей и охапок снега, расположенных на них. Ветер бросил снег в лицо, приятная холодная влага проникла в кожу, наполняя свежестью. Я второй раз в жизни видела снег. Как-то мы с бабушкой ездили на горнолыжный курорт Крестед Бьютт, но тогда мне было лет семь или еще меньше,

помню, в каком восторге я была, увидев в первый раз снег.

– Где мы находимся?

– Поселение Малый Истон, Нью-Гэмпшир, – ответил Лестер.

Впервые слышала о таком месте.

– Доминик, ты остаешься за старшего, – сказал Лестер. – И да, не забудьте устроить теплый прием нашему новобранцу.

– Это мы умеем, – улыбнулась Север.

* * *

Как только дверь захлопнулась, ко мне кто-то подбежал, схватил за правую руку, затем живо приблизился еще кто-то и взял меня за левую, облаченную в гипс. Из моего рта от испуга и внезапности вырвался крик. По одну сторону от меня находился Доминик, по другую Джеки, они тащили меня вперед, Миди и Север шли следом. Я брыкалась, ногами всячески пыталась зацепиться хоть за что-то, но мое тело, превратившееся в беспомощный скелет, стало настолько легким и слабым, что все мои усилия оказались напрасными. Меня завели в темную комнату. Единственное, что здесь дарило свет, – это настольная лампа, стоявшая у кушетки. Я заметила Сайорса, он улыбнулся и указал на кушетку. Меня положили на нее, я в ужасе осмотрелась. Правую руку и обе ноги Джеки заключил в ремни, левую загипсованную руку

держала Миди, не позволяя мне дернуться.

Я чувствовала, как пот выступил на моем лбу, сердце рвалось наружу из-за страха.

Сайорс подошел ко мне с каким-то устройством в руках. В полутьме невозможно было что-либо разглядеть, но, как только он подошел ко мне настолько близко, что я почувствовала его дыхание, я поняла, что он держит – машинку для тату.

Север повернула мою голову влево, Сайорс дотронулся до моей шеи ваткой, смоченной спиртом.

– Не шевелись, а то будет еще больнее, – сказала Миди.

Это длилось недолго. Я закрыла глаза и почувствовала, как что-то внедряется в мою кожу, будто Сайорс ножом расковыривает мою плоть, желая добраться до сонной артерии. Я прикусила губу, слушала тихий шум машинки и заставила себя успокоиться. Поначалу мне казалось, что эти сумасшедшие хотели мне здесь вскрыть череп или распороть живот, иных мыслей при виде больничной кушетки с ремнями не возникает.

Машинка стихла. Сайорс снял ремни, Миди перестала держать меня, я перешла в сидячее положение.

– Иди посмотри, – сказал Доминик, указывая на зеркало, висящее позади кушетки.

Я медленно встала и зашагала к нему. Увиденное не повергло меня в шок: на моей шее красовалась перевернутая буква А.

– Что это означает?

– Это знак, который нас всех объединяет, – я обернулась и увидела, как они все показывают мне идентичную тату на шее. – Брайс называет это нашим фирменным знаком, но звучит это ужасно, будто мы какой-то товар, а не люди. Этот знак словно камень у твоей шеи, ведущий тебя ко дну. В «Абиссаль». Теперь тебе уже не вернуться к свету.

– Надо же, какие чудные метафоры! – рассмеялась Миди, а вместе с ней и все остальные. Только Доминик сохранял серьезное лицо.

– Оставь проблески своей эрудиции при себе. Неужели вам было так сложно продержаться?!

– Прости, Доминик, но кажется, сценка немного затянулась, а нам всем уже охота хорошенько выпить, – сказала Селвер.

– Вам лишь бы выпить! Здесь сейчас происходит важный процесс перевоплощения, а вы... Черт с вами, идемте в столовую. Джеки, займись музыкой.

– Есть, капитан!

Пока они переговаривались, я опять устремилась к зеркалу и снова увидела другого человека. Даже с голубыми волосами я была похожа на себя... настоящую, а теперь... Черная метка еще напоминала о себе болью, я смотрела на нее и понимала, что слова Доминика не являются бредом сумасшедшего. Кажется, я действительно стала другим человеком, эти испытания сделали меня другой, эта метка на моей шее как

результат того, что прошлая Глория действительно умерла.

Но вот что означала фраза Доминика: «Теперь тебе уже не вернуться к свету»?

* * *

Музыка гремела на весь дом, весь длинный стол в большом зале был заставлен от края до края алкоголем. Все веселились, танцевали, пили, а я лишь наблюдала со стороны, прихватив стакан пива. Неужели они действительно так рады тому, что я теперь вместе с ними? Сомневаюсь. Никто из них по-настоящему не был рад мне, да и я, собственно, не особо была счастлива, что находилась здесь. Они ненавидели меня за то, что взяли меня в свой плен. Глупее не придумаешь. Хотя я могла легко осчастливить их. Большинство из них были уже пьяны, бдительность их давно покинула, поэтому мне не составило бы труда тихо покинуть зал, прокрасться к двери и сбежать. Но я сразу отвергла эту мысль. Да, я могу сбежать, но какой смысл? Я слишком много пережила и многим пожертвую, ради свободы. И я уверена, что мой побег быстро раскроется, они меня очень скоро найдут. Да и куда мне бежать? К кому? У меня не осталось друзей, надежных людей. Ох, какое знакомое чувство меня одолевало! Чувство беспомощности.

– Значит, ты у нас «воскресшая из мертвых»? – спросила Север.

– Ну вроде как да.

– Слушай, а расскажи подробнее, как великий и неуязвимый Алекс Мид попался копам, а? – присоединился Доминик.

– Думаю, вы и так хорошо знаете эту историю.

– В общих чертах, – сказала Миди, после того как опустошила свой стакан.

– Нас подставили. Люди Дезмонда стали избивать ребят, а затем его пешка вызвала копов.

– А перед этим Уайдлер застрелил твою подружку? – вопрос Джеки влетел в меня, словно пуля.

Я перестала слышать музыку, меня обдало жаром, привкус пива стал отвратительным.

– И все же... Вы прекрасно осведомлены о моей истории.

– Глория, если ты думаешь, что Дезмонд Уайдлер сделал зло только тебе, то ты очень сильно ошибаешься, – серьезным тоном сказал Доминик.

– Да? А что же он сделал вам?

– Пока не время об этом говорить.

– Вы все говорите штампованными фразами... Мне это надоело! Я думаю, что время уже пришло. Раз на моей шее теперь красуется ваш чертов знак, значит, я имею право знать все!

– Какое задание тебе дал Лестер?

– Работать на кухне.

– Вот и работай, сестренка. Если что-нибудь произойдет в

мире кастрюль и поварешек, то мы обязательно это обсудим вместе с тобой. Это единственная тема, о которой ты имеешь право с нами говорить.

Доминик старше меня, наверное, года на три, но перед его авторитетом мне было трудно устоять. Я молчала, из-за его гневного взгляда мне было трудно решиться сказать хоть одно слово.

Внезапно все их внимание, обращенное на меня, переключилось на здорового, лохматого черного пса, который резво забежал в зал.

– Джеки, твой пес похож на Сатану, – ворчала Миди.

– Сестренка, единственный, кто здесь похож на Сатану, – это ты, – смеялся Джеки, ласково взъерошив шкуру пса. – Вашингтон, хочешь пивка?

– Можно я уйду? – тихо спросила я Север. – Спать жутко хочется.

– Иди и в следующий раз не спрашивай разрешения. Твоя комната на третьем этаже, четырнадцатая дверь.

Просторная комната под номером четырнадцать с большим окном и облезлыми стенами располагала ржавой кроватью, которая, скорее всего, досталась в наследство от больницы для душевнобольных, и столом с покосившимися ножками. Музыка все еще играла и просачивалась даже сквозь закрытую дверь. Возле входа я обнаружила выключатель, который никак не реагировал на мои манипуляции, оказалось, моя комната обделена лампочкой, только несчастный провод свисал с потолка. Было холодно и пахло сыростью, спиртом и чем-то... старым. Одежду снять я не решилась, иначе той ночью точно умерла бы от холода. Подошла к кровати, села, она ответила мне пронзительным скрипом пружин. Но для меня эта кровать являлась настоящим подарком судьбы. Для моего тела, что довольствовалось около двух месяцев холодным кафельным полом, она казалась самой мягкой, самой удобной на свете. Хорошо, что я выпила пива, оно хоть немного туманило голову, даря надежду на спокойный сон.

Но в итоге всю ночь провела в слезах. Я не знаю, почему начала плакать, слезы словно ждали подходящего момента и хлынули сплошным потоком, вся подушка промокла. А под утро я заснула, и сначала мне приснилось, будто я снова нахожусь в той кафельной камере, а потом резко увидела свой дом в Бревэрде. Я стояла напротив него и смотрела, как он

горит. Я слышала, как пламя с яростью пожирает его стены, крышу, чувствовала, как медленно и мучительно погибает «душа» моего дома, как все воспоминания, и хорошие и плохие, превращаются в пепел. А я всего лишь стояла и наблюдала, словно передо мной происходило что-то удивительно прекрасное.

– Этот дом был несчастливym. Джди здесь чуть не покончила с собой, а потом Глория...

– Кто это сделал, бабушка?

– Но избавившись от него, нам все равно не забыть наше горе, – ответил бабушке отец.

Они не видели меня, я словно призрак стояла рядом с ними, и мне стало вдвойне печальнее.

– Не ври, отец... Для тебя это счастье, а не горе. Ты счастлив, что меня не стало. Ты счастлив...

– Доброе утро, собирайся на экскурсию.

Я и не заметила, как вынырнула из сна. Передо мной стояла Север, она, как и обещал мне Лестер, должна была ознакомить меня с местностью.

Я заставила себя подняться, заметила куртку, лежащую на столе, и ботинки под столом.

На улице не так ветрено, как в прошлый день, но морозно. Снег скрипел под ногами, дыхание превратилось в пар, а щеки уже обзавелись румянцем.

– Ты же умеешь водить машину? – спросила меня Север.

Мы вместе приблизились к машине, припаркованной

неподалеку от дома. Снаружи здание выглядело как настоящий замок. Серый, строгий фасад, мрачные окна, глядящие пустыми глазами вдаль.

– Нет.

– Тогда придется научиться. Рынок отсюда находится далеко. Вот, кстати, твои документы. Паспорт, права.

Я заглянула в паспорт, посмотрела на мое новое имя. Я Арес Мейнард, мне двадцать лет, и я родом из Луизианы.

Арес Мейнард. Меня зовут Арес Мейнард.

Мы залезли в салон.

– При посторонних мы будем звать тебя Арес. Привыкай к этому.

Север завела автомобиль, несколько минут подождала, а затем тронулась с места.

– А почему вы так далеко живете?

– Здесь безопасно.

– Чего вы остерегаетесь?

– Людей. Знаешь, люди очень любопытные существа. Им всем очень интересно, почему мы живем вместе. Если мы братья и сестры, то почему так не похожи друг на друга, если Лестер – наш отец, то во сколько же он нас зачал, где его жена?.. Нам не нужны слухи, поэтому мы и живем подальше от людей.

Им настолько осточертели люди, что они предпочли соседствовать с лесом. Дорогу завалило снегом, колеса едва справлялись.

– Извини... Но меня терзает такое же дикое любопытство.

Север улыбнулась, и если в начале мне было неловко заваливать ее вопросами, то теперь я окончательно расслабилась.

– Кто же такой Лестер? Чем он промышляет?

– Мы все обязаны ему жизнью. Лестер появился в наших судьбах именно тогда, когда это было необходимо. Например, Джеки было пять, когда мать-наркоманка пыталась продать его за дозу. К счастью, ее покупателем оказался Лестер, и с тех пор он воспитывает мальчишку, как своего родного сына. Он обучил его всему, что умеет, и теперь посмотри на Джеки. Ему всего пятнадцать, но этот мальчуган может бросить вызов всему миру! У Миди тоже непростая история, но она тебе сама ее расскажет, если захочет...

– А как насчет твоей истории?

Я заметила, что мой очередной вопрос не так сильно обрадовал Север, но тем не менее, выдержав небольшую паузу, она отважилась ответить на него.

– Есть такой человек – Барри Берг. Он главарь «Грифов» – группировки, что занимается грабежом, нападениями. Там одни наркоманы, бывалые убийцы, насильники... Так вот, этот Барри жутко ненавидит Лестера, потому что он является его конкурентом, так ему кажется. Однажды он назначил встречу Лестеру, но с условием, что они будут разговаривать с глазу на глаз, без поддержки своих людей. Лестер сдержал обещание, пришел в полном одиночестве, а вот Барри посту-

пил, как и подобает трусу, привел за собой десяток своих головорезов. Я работала как раз неподалеку от места их «свидания». Барменшей в зачуханном баре, месте, где любой может снять дешевую шлюху и найти дилера. Я всегда с собой носила ствол, потому что иначе мои останки уже покоились бы где-нибудь в зарослях Нью-Гэмпшира. Я возвращалась с работы и увидела полуживого Лестера и ублюдков, что измывались над ним. Я достала ствол и начала стрелять. Половину убила, нескольких ранила, остальные же сбежали вместе с Барри Бергом. После всего этого Лестер предложил мне присоединиться к нему. Тогда в его команде были все, кроме Сайорса: Брайс, его закадычный друг, Доминик, младший брат Брайса, Миди и Джеки.

– Но ведь... Выходит, что Лестер не спасал тебя?

– Ошибаешься. Я благодарна за то, что он вытащил меня из того дерьма, в котором я пребывала. У меня нет родителей, я жила в съемной комнате и делила ее со шлюхой. Какая бы жизнь меня ждала, если бы не он?

За разговором я и не заметила, как мы уже оказались в городе. Мы остановились у небольшого магазинчика.

– Здесь продается отличное мясо. Наши парни без него и дня прожить не могут.

В магазине за прилавком, среди груды разделанного мяса и висящих на крюках туш, нас встретил молодой паренек в окровавленном фартуке. Север показала мне, какое мясо нужно брать, на что лучше обращать внимание, а что и во-

все не стоит брать в расчет. Парень все это время за нами наблюдал, а затем не выдержал:

– Уважаемая, уберите руки от мяса! – для столь тощего тела у него чересчур громкий и грубый голос.

Север пропустила его замечание мимо ушей.

– Я сказал, не трогайте мясо!

«Зря ты это сказал, парень», – подумала я.

На его крик отозвался лысоватый пузатый старичок.

– Линч, что такое?

– Эта девушка трогает руками мясо, хотя это противоречит санитарным правилам!

Старик посмотрел на нас, и, разглядев Север, он едва не лишился дара речи.

– Ты что творишь?! Это же люди из «Абиссали»! Э-э... Простите моего нового работника, парень из Лисбона, не знает местные порядки, – руки старика затряслись, точно на него кто-то вылил ведро холодной воды.

– Кэндзи, объясни потом своему новому работнику, что если он еще раз позволит себе так с нами разговаривать, то впоследствии его мать получит расчлененное тело своего сына в подарочной упаковке, договорились?

Линч полными страха глазами смотрел на нас и боялся даже шевельнуться.

– Как скажете.

– Арес, заплати им за кусок говядины.

Я направилась к дрожащим продавцам, те смотрели на ме-

ня так, будто в руках я держу не купюры, а пистолет.

– Нет, что вы! Не нужно платить. Должны же мы хоть как-то искупить свою вину.

Я вошла в роль, грозно посмотрела на них, пока старик засовывал мясо в пакет, а Линч стоял в стороне, опустив глаза.

– Люди боятся вас, – сказала я, следуя за Север.

– О да. В этом месте детям с самых малых лет внушают, чтобы те сторонились людей с тату в виде перевернутой А. Пойдем, я покажу тебе, где можно купить свежие фрукты и зелень.

В этом богом забытом городке люди действительно не понаслышке знали, что такое «Абиссаль». Большинство при виде нас сразу начинало прибавлять шаг, люди шарахались от нас, словно от больных чумой. Поначалу меня это раздражало, затем немного смущало, но потом я к этому отнеслась абсолютно спокойно, и даже старалась подражать Север. Та походкой тигрицы, уверенно шла по улице, словно каждый отрезок этого городишки принадлежал ей. Я видела, какое удовольствие ей доставляет страх в глазах людей, владельцы ларьков боялись ей лишнее слово сказать, прохожие расступались, люди по сторонам шептались.

Закончив с покупками, мы вернулись к машине.

– А какое твое настоящее имя?

– Меня зовут Север. А то имя, которым меня звали раньше, осталось в прошлой жизни. Оно больше не принадлежит мне. И... Знаешь, думаю, на сегодня хватит вопросов.

Понемногу я начала приспособливаться к новым условиям моей жизни. Старалась просыпаться как можно раньше, затем быстро спускалась на кухню, готовила завтрак: девочки предпочитали кашу на молоке, а парни начинали день с вареного мяса и свежего морса. Я никогда не любила готовить, прежде я не отличалась особыми навыками в готовке, но теперь пришлось вспомнить все, чему меня учила мать. Вопреки своим ожиданиям, я все же быстро освоилась на кухне, она стала моим уголком, личным пространством, где правила только я. Хотя править одной рукой, пока вторая в гипсе было совсем неудобно. Мои движения неуклюжие. Чтобы выполнить какое-то элементарное действие, мне требовалось значительное количество времени.

На обед практически никто не оставался. Лестер и Брайс последние несколько дней в доме вообще не появлялись, а остальные исчезали сразу после завтрака. Я не знала, куда они уезжают, зачем, да, впрочем, мне и незачем было знать. Половину дня весь дом находился в моем распоряжении, за мной присматривал только Вашингтон. Собака сначала казалась злой, по крайней мере, так я судила по ее виду: огромные лапы, массивная голова, челюсть с трудом закрывалась из-за длинных острых зубов, глаза черные, как уголь, а его лай был настолько громким и грозным, что, когда я его слы-

шала, перед глазами вся жизнь пробежала. Но на деле трудно было найти более дружелюбного пса, чем Вашингтон. Он очень любил внимание, обожал ласку, и еще когда с ним разговаривают, словно все понимал. Я думаю, что Вашингтон полюбил меня за то, что я всегда угощала его мясом, когда готовила. Мне казалось, это единственное живое существо в доме, которое не испытывало ко мне неприязни.

Мы с Вашингтоном вместе обошли весь дом, только в его присутствии я смогла отважиться на это. Мы тревожили покой каждой комнаты. Одни были заброшенными, с грудой обвалившихся камней со стен на пол и выбитыми стеклами, других время еще более-менее пощадило, некоторые из них были абсолютно пустыми, остальные – завалены старым хламом, кое-где мы даже нашли больничные каталки, штативы для систем. Мы оставили без внимания лишь подвальную зону, то место мне до сих пор снилось в кошмарах. Конечно, с каждым днем я все больше привыкала к этому дому, но менее жутким все же он мне не казался. Когда начинало заходить солнце, мы с Вашингтоном быстро спускались на первый этаж, зажигали везде свет и не отходили друг от друга до тех пор, пока не возвращались остальные жильцы.

Ребята обычно приходили к восьми часам, и их уже ждал горячий ужин. Они громко обсуждали события очередного дня, говорили о каких-то людях, пользовались непонятными терминами, наверное, чтобы завуалировать смысл их бурных речей. Да я в общем-то и не старалась их понять. Пусть за-

нимаются своими делами, но не впутывают в них меня. Мне спокойно жилось, я правила кухней, и больше меня ничего не волновало.

Хотя все же я лгу. Одна мысль меня тревожила. Мысль о Лестере. Я не могла вычеркнуть из памяти разговор с Север. Неужели Лестер действительно является героем, а не злодеем? Нет уж, я никак не могла принять эту мысль. Он не может быть героем, если хочет погубить моих ребят. Он спас Джеки от безумной матери-наркоманки? Но каким же образом благочестивый Лестер оказался в том месте, где женщины торгуют детьми ради дозы? Он спас Север, взяв ее в свою команду? Она могла бы жить спокойной жизнью, уволиться из того бара, переехать, но, благодаря всемогущему Лестеру, Север навсегда соединила свою жизнь с криминалом. Лестер заманил всех в свою ловушку, а эти несчастные дети просто слепы и не до конца осознают, во что они ввязались.

Так же как и мы с Ребеккой втянулись в «забавный» преступный мир, следуя за Алексом, Стивом и Джемем...

– Давай делай так, как я тебе показывал.

Доминик сидел рядом со мной на пассажирском сидении, а я за рулем. Последние несколько дней он посвятил мне, чтобы научить меня ездить. Я стала давить на сцепление, затем на газ, машина тронулась, но тут нога соскользнула с педали, я судорожно пыталась вновь ее нащупать, еще надавила, но немного переборщила с силой. Автомобиль разогнался и едва не врезался в дерево, я успела свернуть, убрать обе ноги с педалей, и, к большому счастью, машина заглохла.

– Мне кажется, Вашингтон бы быстрее научился ездить, в отличие от тебя.

– Однажды папа решил научить меня водить, но, когда я врезалась в мусорный бак и чуть не задавила соседского кота, он почему-то передумал.

– Да, интересно почему?

– Зато теперь я точно знаю, где находится педаль газа.

– Что же останется от меня, когда ты узнаешь, где находится педаль тормоза?

Я вновь завела двигатель, левая нога на сцеплении, правая – на педали газа. Теперь мне точно нельзя было ошибаться, иначе терпение Доминика закончится. Я, конечно, всячески старалась изобразить дружелюбие, замаскировать страх и презрение невинной шуткой, смехом, но я прекрасно по-

нимала, что эти люди в любой момент могут сменить свое настроение и вновь превратиться в тех монстров, что посещали меня в камере пыток.

Мое задание слишком простое: я должна была доехать из пункта А, которым являлось то самое дерево-гигант, в которое я чуть не врезалась, в пункт Б – дорога, что находилась примерно в двухстах метрах от нас. Доминик обычно внимательно наблюдал за тем, как я веду с себя с автомобилем, но тут я заметила, что его взор обращен в заднее стекло. По дороге, на которую мы должны были выехать, ехал черный джип. Причем ехал нарочно медленно, будто высматривая нас.

– Кто это?

– Пока не знаю. Я не первый раз уже вижу, как этот джип проезжает мимо нашего дома, – все еще смотря на дорогу, на которой теперь остались лишь снежные следы от колес, сказал Доминик.

– Может, это местные?

– Никогда не видел, чтобы местные разъезжали на таких машинах.

И правда, обитатели этого городка не любили афишировать свое богатство, все, так же как и мы, ездили на стареньких авто. Но если это не местные, то кому нужно переться в такую даль, а главное, зачем?

– Ладно, на сегодня хватит. Нужно собрать совет.

– Ты становишься слишком подозрительным, Доминик, – сказала Север.

Впервые я присутствовала на их так называемом совете. Он проходил в столовой, все задумчиво сидели за огромным столом, а тусклые лучи зимнего солнца падали на пол, слегка разбавляя сгусток мрака.

– Слушай, а как тут не быть подозрительным, если я вижу этот чертовый джип уже в четвертый раз. Я вообще редко видел, чтобы кто-то так далеко забирался.

– По-твоему, за нами кто-то следит? – послышался тихий голос Миди.

– Похоже на то.

– Но это глупо, – вмешался Джеки. – Среди бела дня проезжать мимо нашего дома, зная, что мы все равно заметим. Какой в этом смысл?

– А смысл в том, чтобы держать нас в напряжении. Лестер как раз сейчас занимается рискованной сделкой, по всей видимости, кто-то знает об этом. Ладно, я сам во всем разберусь.

– А может, об этом рассказать Лестеру? – спросила я.

– Ты что, здесь самая умная?

– Миди, тебе давно пора смириться с тем, что она теперь с нами и имеет полное право высказывать свое мнение, – вступилась за меня Север.

– О, как мило! Ты уже завела подружку? Знайте, я никогда с этим не смирюсь. Я уверена, будь у нее сейчас пистолет в руках, она бы всех нас перестреляла.

– Вообще-то у нее уже была такая возможность. На последнем испытании она могла бы всадить пулю мне, а потом Лестеру, но она этого не сделала, поэтому я ей доверяю и прошу тебя, оставь все эти бабские разборки за пределами комнаты. У нас есть дела поважнее.

После этих слов Доминик покинул помещение, но Миди все еще не успокоилась.

– Лестер говорил, что мы семья. Но в семью не принято брать кого попало, особенно малолетних подстилок музыкантов.

Ну все! У меня уже не было сил все это выслушивать. Я вскочила и поняла, что во мне зарождается неистовое желание разбить мой гипс об ее голову.

– Ой! Что такое? За живое задела? Ну, прости меня. Я забыла, что правда делает людям больно.

Да уж, эти мерзкие слова нанесли гораздо больше боли, нежели удар гипсом о голову. Миди, ехидно улыбнувшись, отправилась вслед за Домиником. Затем их примеру последовали Сайорс, Джеки, последней ушла Север.

Вот теперь я действительно жалела, что на последнем испытании я выстрелила всего один раз.

После того дня я старалась как можно реже попадаться на глаза Миди. К счастью, внушительная площадь дома позволяла мне это делать. Я не знаю, из-за чего в ней разгорелась такая ненависть ко мне, может, она думала, что я как-то смогу занять ее место? Хотя это абсолютный бред. Я никогда не хотела стать частью их «семьи», я пленник здесь, и я навсегда им останусь. Я могла только надеяться, что до конца своих дней буду торчать на здешней кухне и гулять с Вашингтоном, пока никто не видит. Поэтому я избегала Миди, не устраивала словесные перепалки, хотя по ночам мне иногда снилось, как я перерезаю ей глотку, как она тем бедным кроликам. Эти сны меня согревали в холодные зимние ночи.

Неделю спустя к нам заявился Брайс. Сначала он с ребятами о чем-то бурно беседовал в столовой, пока я кружилась на кухне, готовя обед, а затем, собираясь уезжать, он вспомнил обо мне и моем гипсе, который, по его мнению, уже пора снять.

– Рука болит?

– Иногда ноет по ночам.

– Придется привыкнуть, боль всегда будет ее сопровождать.

– Я уже давно привыкла. Боль – это синоним к моей жизни.

Брайс засмеялся, на его лице виднелось множество морщин, а на щеках образовались глубокие ямочки. Когда он улыбался, Брайс был похож на милого великана, но, когда улыбка сходила с его лица, он становился похожим на человека, который запросто может свернуть тебе шею или же расколоть твою черепушку, как скорлупу грецкого ореха.

Но пользуясь случаем, когда он все еще похож на доброго великешку, я решила ему сказать:

– Брайс, научите меня драться.

– Чего?

– Я очень хочу научиться драться ну или хоть как-то обороняться.

– От кого тебе обороняться? От тараканов на кухне?

– Напрасно смеетесь. Тараканы в наше время очень опасные парни.

– У меня нет времени, чтобы заниматься с тобой.

– Я не требую много времени, хотя бы несколько минут в день... – вот теперь Брайс смотрел на меня таким серьезным взглядом, что я чувствовала, как мои кишки от страха завязались в узел. – Ну хорошо, несколько минут в неделю.

– Хочешь получить новые переломы?

– Кости срастутся, а опыт останется. Прошу вас, Брайс.

– Хорошо... – с трудом согласился он. – Тренировочным днем будет среда, но запомни: если ты хоть раз заноешь во время занятий, я тут же прикрою лавочку. Поняла меня?

– Поняла, – радостно сказала я.

Конечно, не нить, когда с моим телом будут обращаться, как с мешком картошки, швыряя в разные стороны, будет трудно. Но я обязана была вынести все это. Сложно вспомнить и подсчитать все разы, когда меня избивали, когда я себя чувствовала наислабейшим человеком на земле. Ник, Терезер, Дезмонд, отец... Я устала ждать чьей-то помощи, устала бояться.

Я устала быть слабой.

Ночь была особенно холодная. В ванной даже пол покрылся инеем, через маленькие щелки окон сквозило так, что казалось, будто они открыты настежь. Обычно я мылась самая последняя, первая ванную посещала Север, за ней Миди. К тому времени, пока я помоюсь, все уже разошлись по своим комнатам, и после я могла спокойно бродить по этажу до своей комнаты, в тишине и без лишнего напряжения. Но в тот день, возвращаясь в комнату, на своем пути я встретила Север. Наши комнаты разделяли три двери, а комната Миди находилась в десяти дверях от меня, так что мы с Север могли называться соседками.

– Спокойной ночи, – сказала я.

– И тебе того же. Хотя для меня эта ночь точно не будет спокойной, холод дикий. Иногда кажется, что я сплю в сугробе.

Мы услышали чьи-то шаги внизу, подошли к лестнице и увидели Сайорса. Он что-то говорил нам жестами, Север так же с помощью рук ему ответила, а затем Сайорс направил-

ся к своей комнате. Второй этаж – царство парней. Мне такое разделение показалось очень забавным, будто мы находились в общежитии колледжа. Я редко видела, чтобы парни поднимались к нам на третий, только девушки посещали второй этаж, чтобы добраться до лестницы и спуститься на первый.

– Сайорс с рождения немой?

– Нет. Он родился обычным ребенком, – Север внезапно прервала свою речь, будто опасаясь сказать то, что я вовсе не должна знать, но все же спустя несколько секунд, нехотя продолжила: – Раньше он принадлежал людям, которые называют свою стаю «Красными языками».

Стоя на одном месте, становилось еще холоднее, поэтому мы решили медленно идти по коридору.

– «Красные языки»? Странное название.

– У них есть такое правило: если кто-то из их сородичей окажется предателем, то они отрежут ему язык.

Я испуганно заморгала и даже остановилась.

– Ему что, отрезали...

– Да. Я не знаю, что сделал Сайорс, но ему пришлось пережить это наказание. Миди притащила его ночью, он был в крови, еле живой. До сих пор не понимаю, как он выжил...

– А... Почему он остался с вами? Ведь он уже предал один раз своих людей?

– Сайорс сооружает бомбы, хорошо разбирается во взрывчатках. В общем, он полезен нам. Ладно... Пойду спать, а то

уже слишком поздно.

– Север... А если в вашей стае окажется предатель, как вы его накажете?

– Не бойся, мы ведь не звери, как «Красные языки». Просто всадим пулю в голову гада и все, – улыбнувшись на прощание, Север зашла в свою комнату.

А я до сих пор стояла в шоке. Как же страшен этот мир!.. Как ничтожно мало стоят человеческие жизни! Сидя у себя в Бревэрде, в уютном, теплом гнездышке, я даже и не догадывалась о том, что на свете есть люди, которые готовы отрезать тебе язык или пристрелить тебя за то, что ты себя ведешь не так, как им нужно. Спокойно спать после услышанного я не смогла. Трясло меня не по-детски, то ли от холода, то ли от внезапно проснувшегося страха...

* * *

Снег хрустел под ногами, как маленькие хрупкие косточки. Ботинки на два размера больше болтались на моей ноге, даже несмотря на три надетых носка, черная длинная куртка, поношенная, дряхлая, с торчащими перьями повсюду, капюшон обрамляло что-то похожее на мех, а на правом локте красовалась дырка. Кажется, раньше эта куртка выполняла роль лежанки для бомжа, а еще она такая тяжелая, что создавалось впечатление, будто я несущее тело на своих плечах. Уши мои стонали от мороза, поэтому я позаимствовала

у Джеки шапку. Выглядела я смешно и жалко, и в таком виде я отправилась на рынок. В одиночку! Это событие действительно было особенным для меня. Доминик дал мне деньги и ключи от машины, и я сама должна была доехать до рынка и благополучно вернуться. Либо я в самом деле доказала им, что могу быть самостоятельной и они могут мне доверять, либо они просто заколебались возиться со мной.

Всего у них три машины, если не считать автомобиль Лестера. Три старичка на колесах стояли в ряд. Одна машина оранжевая, другая – зеленая, третья – красная, на которой я училась, поэтому я и выбрала ее. Оказавшись внутри, я уже начала сомневаться в своей уверенности. Как только я завела двигатель, почувствовала, как мой живот ноет, а колени потрясываются. Так, соберись, Глория! Тысячи твоих сверстников уже всю гоняют, а ты все чего-то боишься. Я включила радио, чтобы немного расслабиться, но как только тронулась и выехала на дорогу, я поняла, что песни меня только отвлекают. Я должна была полностью сконцентрироваться на дороге. Вроде бы все просто: одна дорога, пара поворотов, никаких светофоров, пешеходов, только деревья молчаливо стояли по бокам, даже встречных автомобилей не было.

Спустя двадцать минут я добралась до рынка. Была суббота, и людей полно. Остановившись, я с легкостью выдохнула. Я даже немного была горда за себя, не припомню, чтобы раньше мне удавалось сделать что-то хорошо самой с перво-

го раза. Вылезла из машины и последовала маршрутом, который мне показала Север. Сначала я заглянула в мясную лавку. Линч после нашей последней встречи очень хорошо запомнил меня в лицо, поэтому в этот раз он вел себя гораздо скромнее, услужливее. Мне это очень понравилось, никогда еще при мне так не плясали.

Я купила несколько килограммов мяса, отнесла в машину и далее направилась в овощной магазин. И снова меня радушно встретили, даже покупатели расступались, уступали очередь. Я сначала растерялась, эти люди смотрели на меня такими глазищами, словно точно были уверены в том, что у меня в кармане спрятан нож, и я в любую секунду могу его достать и перерезать тут всех. Наверное, я выглядела действительно устрашающе, тем более я спрятала волосы под шапкой, и моя тату на бледной коже сразу всем бросалась в глаза. Все же я быстро вошла в роль опасной бандитки. Люди боялись меня, а страх посторонних казался потрясающим зельем, он давал добротную порцию энергии и уверенности. Эх, вот бы так было всегда!..

Следующим пунктом являлся магазин бытовой химии, нужно было купить несколько пачек стирального порошка, мыло, чистящее средство. Напоследок я забежала в магазин сладостей и купила пару пирогов с вишней и медом, а еще моя ненасытная девичья душа требовала несколько плиток шоколада, поэтому я потратила последние деньги на четыре шоколадки.

Багажник полностью загружен, несколько пакетов пришлось положить на заднее сидение. Окрыленная, я села за руль, теперь в салоне я вела себя так, будто вожу уже несколько лет. Повернула ключ, и... машина не завелась. Ну ладно, с кем не бывает. Попробовала снова – безрезультатно. Машина лишь издала жалобный визг и тут же заглохла.

– Ну, что же ты...

Завела в третий, в четвертый... Все впустую. Это вывело меня из себя. Ну конечно! Все же я хронический неудачник. Надо же, возомнила о себе, что я крутая, что у меня отныне все будет получаться!

– Что, не заводится?

У дверцы стоял мужчина в сером костюме, черные кудрявые волосы забраны в хвост, глаза черные, как смола.

– Нет, ни в какую, – разочарованно сказала я.

– Наверное, аккумулятор барахлит из-за мороза.

– И что же делать?

– Включите зажигание и дальний свет на несколько секунд.

Я следовала его указаниям. Руки дрожали, пальцы окоченели.

– А теперь попробуйте завести.

Повернула ключ, и машина наконец-то завелась. Моему счастью не было предела.

– Спасибо! Вы мой спаситель.

– Не за что. Удачи.

Интересно, что бы я делала, если этот добрый человек не подошел ко мне? Я обернулась, посмотрела в заднее стекло. Мой случайный помощник направился к своему автомобилю. Черному джипу. Возможно, это совпадение, но этот джип был очень похож на тот, за которым следил Доминик. Во всяком случае, даже если это он и есть, Доминик ошибался на его счет. Не было в этом человеке ничего подозрительного, обычный мужик средних лет, в дорогом костюме. В этих краях много частных особняков, как мне рассказала Север, они, конечно, находились в приличном расстоянии от этого рынка и тем более от нашего дома, но все же я полагала, что этот мужчина являлся владельцем одного из тех дорогих домов. Ладно, пора возвращаться.

Я тронулась, решила вновь включить радио, и на этот раз оно мне уже не мешало. Всего несколько недель назад я лежала на кафельном полу, залитом кровью, рвотой и моими слезами, а теперь я сидела за рулем, ехала по прекрасным местам. Меня окружали пушистые снежные поляны, высоченные деревья, окутанные серебристой изморозью, радио пело, я ему подпевала и чувствовала себя счастливой. Этот скромный глоток свободы такой сладкий, хотелось насладиться им еще и еще. Я могла с легкостью развернуться и уехать в обратном направлении, денег не осталось, но я была уверена, что смогу найти какой-нибудь заброшенный домик, еды мне хватит на несколько недель, а дальше видно будет.

Я снова утешала себя наивными надеждами, но суровая

правда вновь напомнила о себе: как бы мне ни хотелось быть свободной, я все равно никогда не развернусь. Договор с Лестером тяжелой цепью обвивал мое горло. Эта цепь держала меня, не давала лишний раз пошевелиться и напоминала о себе жутким позвякиванием внутри моего сознания. Привкус свободы, казавшийся несколько мгновений назад таким приятным, сладким, вдруг стал горьким.

* * *

Утро выдалось суетливым. После долгого отсутствия к нам приехал Лестер. Все сразу скопилось в столовой, а я, как обычно, торчала на кухне, заваривая кофе. Вашингтон все это время сидел у кухонной двери, надеясь, что я дам ему что-нибудь вкусненькое.

– Держи, Вашингтон, – кусок вишневого пирога мигом исчез с моей руки.

– Как же это могло произойти, Лестер? – услышала я возмущенный крик Джеки.

Случилось что-то неладное. Не зря Лестер чуть ли не с рассветом к нам приехал, а лицо Брайса стало еще более суровым и серым, чем прежде. Я слышала еще множество голосов. Каждый хотел высказать свое негодование, и все это делали громко и одновременно, ничего не удавалось разобрать. Я взяла поднос с чашечками кофе и пошла в столовую.

– Ферджесс позаботился о том, чтобы никто не догадался,

куда он направлялся, – разочарованно сказал Лестер. – Он знал, как действовать в подобной ситуации. Я доверял ему, как самому себе.

– Черт! – вскочил Доминик. – Я чувствовал, что что-то произойдет. Просто задницей чувствовал!

– Доминик, приземли свою сверхчувствительную задницу и успокойся.

– Кто-то убил наших людей, взял оружие на триста тысяч долларов, и ты приказываешь мне успокоиться?!

– Доминик! – громкий голос Брайса мигом усмирил младшего брата.

Я привидением ходила по залу, разносила кофе и быстро вернулась к выходу. Никто на меня внимания не обращал. Я стояла в дверном проходе и продолжала их слушать, надеясь, что меня и дальше не будут замечать.

– В живых никого не осталось? – спросила Север.

– Нет, – с еще большим отчаянием ответил Лестер. – Они убили всех. И зачистили свидетелей, нет ни единого человека, кто знает, что произошло этой ночью.

– А кто еще знал об операции? – вмешалась Миди.

– Только наши, – ответил Брайс.

– Это и печалит. Значит, среди нас есть предатель, – заключил Лестер. – Да, ситуация скверная. Мы потеряли не только кучу денег. Ферджесс... Мы с Брайсом его очень хорошо знали. Он был военным, служил в нескольких точках и обзавелся полезными связями. Он был надежным челове-

ком и очень нужным.

– Лестер, мы долго будем сидеть здесь и горевать?! Надо что-то делать! – вновь завопил Доминик. – Я чувствовал, я знал... И еще этот проклятый джип...

Господи, я ведь так и никому не рассказала, что...

– Я видела! – вот же черт, я что, это вслух сказала?!

Все с недоумением таращились на меня, а я стояла и растерянно глядела на них. Вчера я была крутой девчонкой, а теперь готова сквозь землю провалиться. Но деваться уже некуда.

– Тот черный джип, я его видела.

– Ты уверена? – спросил Доминик.

– Да, – а про себя ответила: «Нет». Вчера я была уверена, что это тот джип, но сегодня... Вдруг я ошибаюсь? Ну зачем я вообще начала говорить?!

– Присядь, Глория, – сказал Лестер.

Я села. Стул казался холодным, будто сделан из льда.

– Вчера, когда я была на рынке, я увидела тот самый черный джип, который мы с Домиником заметили у нашего дома.

– Доминик, о каком джипе идет речь?

Неужели он ничего не рассказал Лестеру?

– Несколько дней подряд около нас кружил джип, – голос его уже не такой громкий и уверенный, каким был несколькими минутами ранее.

– А почему ты мне об этом сразу не рассказал?! – Лестер

вскочил и руками оперся о стол. Все, кроме Брайса, испуганно дернулись.

Доминик сейчас выглядел еще более виноватым.

– Я хотел сам во всем разобраться.

– Разобрался?!

Я ведь предлагала обо всем доложить Лестеру, но над моими словами лишь посмеялись.

– Да что вы привязались к этому джипу? – сказала Сепер. – Может, он вообще не причастен к делу.

– Я тоже так думаю, – снова вмешалась я. – Водитель не был похож на... бандита. Он выглядел довольно солидным, такой в сером костюме...

– В сером костюме? – резко задал вопрос Брайс.

– Да...

Это я точно помнила. Он был в сером костюме, конечно, странный наряд для такой суровой зимы, но почему-то вчера меня это не смутило.

– «Сальвадор», – сказал Лестер.

Все понимали, о чем идет речь. Все, кроме меня.

– А с чего «Сальвадору» связываться с нами? – тоненьким голоском спросила Миди. – Там одни чокнутые престарелые мужики, они одержимы роскошью и богатством и никогда не будут пачкать кровью свои выглаженные серые костюмы, которые носят в любую погоду.

– Ключевая фраза – «Они одержимы роскошью и богатством». У них оружие на триста тысяч, они могут его пере-

продать и выручить еще больше денег. Конечно, сделали они это не в одиночку. Кто-то им помог. Но во главе всего стоит Алистер Леммон.

Сделав небольшую паузу, чтобы перевести дыхание, Лестер продолжил:

– Значит, получается, вы все знали о том, что за нами следят, и ничего мне не сказали об этом? Вы понимаете, что, если бы не ваше молчание, мы могли бы все исправить? – длинные пряди угольных волос пали на его гневное лицо, заросшее густой щетиной.

Ну почему они меня не послушались? Почему...

– А если это люди не из «Сальвадора»? Вы ведь не собираетесь так сразу развязывать войну? – спросила Север.

– Они уже начали войну, – сурово констатировал Брайс.

– А что, если это всего лишь ваши догадки? У них в союзниках «Буйволы», если вам отшибло память.

– Я не собираюсь развязывать войну. Пока, – спокойно ответил Лестер. – Я пошлю нашего человека к ним, чтобы тот все разузнал.

– Я буду этим человеком, – гордо сказал Доминик. – Я сумею расколоть этих уродов, ты же меня знаешь, Лестер.

– Да, я знаю тебя, и еще каждая собака знает тебя. Только глухой и слепой не имеет понятия о братьях Дерси. К «Сальвадору» так легко не пробиться, они чужаков не любят. Поэтому нужно послать того, кто еще мало известен Темным улицам.

Мое лицо окатило жаром, словно кто-то плеснул в меня горячий кофе.

– Вы меня имеете в виду? – робко спросила я.

– Нет, Вашингтона, – огрызнулась Миди.

– Но я даже не представляю, как...

– Это не просьба, Глория. Ты ведь помнишь про наш договор. И всем нам известно, как ты хорошо ладишь с главарями банд.

О, да, теперь я чувствовала, как цепь еще туже и больнее обвивает мою шею. Я сглотнула ком, и перед моими глазами предстал Дезмонд Уайдлер, он улыбался, а на его руках виднелась кровь.

– Миди, что ты знаешь об Алистере Леммоне?

– Коротконогий, уродливый старикашка с мерзкими усиками, обожает шлюх. Кстати, теперь я понимаю, почему ты к нему посылаешь именно Глорию.

– Ну раз ты все понимаешь, значит, ты и поможешь ей в осуществлении нашего плана.

– Что? – физиономия Миди скривилась, ее эта новость «обрадовала» так же сильно, как и меня.

– И это не просьба, Миди. А теперь слушайте меня, Сайорс, Джеки, Север и Доминик. С этого дня вы будете жить в Темных улицах. Вы обязаны найти всех, кто причастен к убийству Ферджесса и его людей. Вы должны найти их и убить. А мы с Брайсом займемся поисками предателя, – Брайс послушно кивнул, все еще сохраняя угрюмое выраже-

ние лица. – Наступили темные времена, ребята. Мрак с Темных улиц добрался и до нас.

– Он даже и не посмотрит в твою сторону. Глупая идея посылать тебя к нему, – недовольно высказалась Миди.

В такой «прекрасной» компании я находилась уже несколько часов. Мы выехали утром, и наконец, когда солнце стало уходить за горизонт, окрашивая небо перламутром, мы добрались до Манчестера.

– Впервые я согласна с тобой. А что, если я не справлюсь?

– Да расслабься. Мы все и так знаем, что ты облажаешься.

– Вот как? А зачем же вы тогда доверили мне такое важное дело?

– Важное дело? Не зазнавайся. Важное дело сейчас совершают ребята в Темных улицах, а ты просто пешка в этой игре.

Я очень хотела казаться спокойной, быть уверенной, всячески сохранять нейтралитет, но я вынуждена была признать, что долго не продержусь. Так сильно, как Миди, меня еще никто не раздражал. Ладно, нужно сменить тему, да и заодно задать вопрос, который мучает меня со вчерашнего дня.

– А что такое Темные улицы?

– Это место, куда простой смертный не сунется, – у Миди странная манера говорить медленно, растягивать каждое слово, как жвачку. – Они есть в каждом городе, в каждой

стране. Там обитает нечисть, вроде нас. Там совершаются убийства, или ограбления, или убийства и ограбления. Ну вот мы и приехали.

А вот куда приехали, я понятия не имела. Мы припарковались на широкой улице, что располагала удобной стоянкой. Небо уже почернело, не видно ни звезд, ни луны. Мы пересекли дорогу, оказались на противоположной стороне, побрели по оживленному тротуару, свернули налево, здесь улица поменьше, людей тоже не так много. Я шла за Миди, постоянно озираясь по сторонам, так давно я не видела красивых сверкающих улиц. Манчестер просто прекрасен в свете фонарей, огнях мерцающих вывесок. Но вскоре улицы становились все мрачнее и мрачнее, яркие дома, до сих пор украшенные рождественскими гирляндами, сменились облезлыми угрюмыми зданиями. Казалось, стало еще холоднее, чем прежде. Наконец, мы дошли до двухэтажного здания с манящей вывеской «Дикий цветок». Красный свет, что исходил от нее, устало боролся с недружелюбным зимним мраком. Возле двери, за которой слышалось позвякивание бокалов и смех, стояла девушка. Сама она от природы высокая, но длиннющие шпильки, тонкие, как и ее ноги, делали ее еще выше. Короткая белая курточка слегка прикрывала пупок, а тонкие, облегающие джинсы, казалось, приморозились к ее ногам. Наверное, люди в Манчестере еще не в курсе, что за их окнами уже третий месяц зимы.

– Эй, дорогуша, я долго буду стоять тут и смотреть на твою

спину? – спросила Миди.

Девушка повернулась.

– Снежинка! Как же я рада вновь слышать твой мерзкий писклявый голос!

Миди подбежала к ней и заключила ее в свои объятия.

– Я же говорила тебе, не называй меня так.

– Как? Снежинкой? Я два года тебя так не называла, не лишай меня долгожданного удовольствия.

– Удовольствие ты получаешь раз пятнадцать в день за двести баксов.

– А Снежинка холодна, как прежде, – девушка обратила внимание на меня. – А это и есть ваша новая рыбка?

– Ее зовут Арес. Арес, это Дрим.

– Очень приятно, – сказала я.

Моя холодная учтивость показалась ей смешной.

– Ты слышала, Снежинка? Ей очень приятно! Надо же, какая вежливая рыбка!

М-да. Знакомые Миди такие же мерзкие, как и она.

– Дрим, нам нужна помощь, ты же помнишь?

– Да, конечно. Пойдемте.

Мы зашли в «Дикий цветок». Внутри небольшая барная стойка, за которой сидели пьяные потные мужики, а возле них терлись полураздетые девушки. Матерь Божья, я в борделе!

Стены выкрашены в розовый цвет, свет приглушен, повсюду расставлены диванчики, разбросаны подушки. И

смех. Кокетливый смех работниц этого заведения повис в воздухе вместе с ароматом лаванды, безуспешно сражавшейся с запахом перегара и пота гостей мужского пола. Дрим вела нас наверх по винтовой лестнице, мы оказались на втором этаже, шли по длинному коридору, оставляя позади себя множество дверей. Смех все еще слышался, но теперь его разбавляли стоны, крики, шлепки. Второй этаж – место тотального уединения партнеров.

Дрим открыла дверь, мы зашли в маленькую комнатку с большой кроватью, над которой нависал шелковый красный балдахин. Я и Миди присели на кровать, а Дрим уселась на небольшой стульчик напротив нас. Интересно, сколько вонючих мужиков ерзало на простыне, на которой я сидела? Доселе я не подозревала о своей брезгливости, но находясь в этом месте, мне противно даже взглядом касаться каких-либо его участков.

– Ты говорила, что у тебя есть интересная информация? – начала Миди.

– Алистер Леммон вместе со своей свитой будет на выставке живописи послезавтра на Миддл-стрит. Мероприятие закрытое.

– И туда никак не попасть?

– Никак. Если вы не эскорт.

– Ты знаешь, кто его будет сопровождать?

– Ноэль выбрал меня и еще несколько девочек.

Взгляд Миди тут же стал хищным, глаза заблестели, а хит-

рая улыбка поползла вверх.

– А Ноэль не может взять еще одну пташку?

– Навряд ли. Ему заказали только пять девочек.

– Это плохо.

– Но есть выход.

– Так говори же, не томи.

– Арес поедет вместо меня. Я поговорю с Ноэлем. Ну ты же знаешь, как я умею убеждать?

– Дрим, ты, как всегда, предприимчива.

Миди расплылась в довольной улыбке, а я сидела не шевелясь, пронзенная отчаянием.

– Подождите...

– Что? Тебя что-то не устраивает? Может, у тебя есть свое предложение?

– Нет. У меня просто вопрос... Я должна с ним спать?

И вновь волна смеха. Кажется, я сегодня в ударе. Но мне стало еще хуже и отвратительнее. Мысль о том, что я буду в роли эскортницы для какого-то безумного, но богатого старикана, словно смачный харчок ударила в меня.

– Нет, ты что. Просто прочтешь ему сказку на ночь и все, – продолжила смеяться Миди.

– На самом деле услуги интима не входят в цену. Ноэлю заплатили только за вечер, а вот останемся ли мы на ночь или нет, будет решать каждый клиент лично. Миди, займись ее внешним видом. Сначала она должна понравиться Ноэлю, если что-то пойдет не так, то он может изменить наши планы.

Замаскируй все синяки, ссадины, найди элегантное, но не вызывающее платье.

– Хорошо. Это будет сложно, но я постараюсь с ней что-нибудь сделать.

* * *

Ненавистный холод пробирал до костей, славный морозный вечер стал для меня жутким испытанием. Я дрожала, пустой желудок ныл, левая рука ломила, до сих пор не могла оправиться после перелома, зубы стучали друг о друга, веки наполнились слезами – то ли от ветра, то ли от...

– Ты пока иди к машине, а я отлучусь ненадолго, – сказала Миди и живо зашагала в другую сторону.

Я не хотела появляться на людях, не хотела никого слышать, видеть. Решила пойти к машине через коллатеральные улицы, шума там меньше. В глубоком кармане нашла полупустую пачку сигарет, тишину нарушила щелчком зажигалки, и вот мои легкие теперь впитывали в себя не только февральский мороз, но и крепкий табак. Я присела на ступени закрытого магазина, жадно делала затяжки, теплый воздух выходил из меня вместе с облаком сизого дыма. Так хорошо здесь сидеть!.. В полном одиночестве, раскуривая сигарету... Никто меня не беспокоил, кроме гудящего ветра, что резал себя углами домов. В нескольких метрах от себя я увидела сверток мусора, видимо выброшенный ветром из

ближайшей помойки. Вот, во что превратилась моя жизнь. В этот грязный, вонючий комок мусора. Неужели я и впрямь согласилась на это? Неужели я настолько не ценю себя? Дрим сказала, что интим в мои услуги входить не будет, но меня это не успокоило. Этот старик все равно будет меня трогать, мне придется улыбаться ему, делать вид, что мне приятно в его обществе. Интересно, что бы на это сказал Стив? Но ведь я делаю это ради того, чтобы спасти его. Спасти Алекса, Джея. Я согласилась на это только ради них, ведь если я дам задний ход, я больше никогда их не увижу... Но это жалкое оправдание нанесло мне еще больше боли.

Ветер играл с пеплом, вздымал вверх, кружил, а затем бросал в снег. Я услышала приближающиеся шаги, повернула голову на шум, и увидела парня в черном длинном пальто и шапочке с помпоном. Глаза его стеклянные, жуткие, смотрели на меня с любопытством.

– Эй, у тебя что-то случилось?

– Нет, все в порядке.

Ну что этот кощей в пальто забыл здесь? Я так хочу покоя...

– А не угостишь тогда сигаретой?

– Держи. – «Держи и проваливай отсюда», – хотела сказать я.

– Спасибо. Ты кого-то ждешь?

– Да.

– Тут одной находиться опасно. Лучше иди в людное ме-

сто.

– Люди меня пугают больше, чем пустые улицы.

– Как знаешь.

Собравшись уходить, парень вновь остановился, и я поняла, что его взгляд устремлен на мою шею, а точнее на тату. Ох, даже в Манчестере знают об «Абиссали». Приятно.

– Интересная тату, – сказал он и сделал шаг ко мне.

– Слушай, ты меня уже начинаешь напрягать. Тебе что-то еще нужно? – обычно люди, которые видят букву А на моей шее, учтиво расходятся по сторонам, а этот чокнутый вел себя странно.

– У «Абиссали» новобранец! – закричал он.

Сначала я подумала, что он кричит в пустоту, ведь кроме нас здесь никого не было, но потом с горечью убедилась в том, что я ошибаюсь. Темные фигуры выползли из-за углов серых зданий и побежали в мою сторону. Парень схватил меня за куртку, но я его с силой оттолкнула, он упал, и я со всей дури стала бежать. Ртом глотала воздух, он беспощадно резал глотку. Искалеченная рука еще больше начала меня тревожить, ноги с трудом бежали, безразмерные ботинки, казалось, весят тонну. Но я бежала и напоминала себе, сколько раз моя скорость спасала мне жизнь. Я бежала вперед, несмотря на боль, на дико неудобную одежду, на снег и лед, что скрывался под ним. Обернулась назад и увидела, как на меня бежит толпа. Чуть не поскользнулась, продолжила бежать. Оказалось, в поиске долгожданного уединения

я далеко забрела, но все же уже на последнем издыхании я добралась до людной улицы, все так же сверкающей. Пробежав еще несколько метров, я заметила нашу машину на противоположной стороне, побежала через дорогу, автомобили сигналили, ослепляли фарами, мне чудом удалось избежать столкновения с одним из них, я не видела ничего вокруг, я не чувствовала ничего, кроме страха, щекочущего мой затылок. Наконец, я добежала до машины, окоченевшей рукой открыла ее, влетела в салон, закрыла дверцу и посмотрела на дорогу. Безумная толпа, наверное, отстала от меня еще в тех самых тихих улицах. И тут я услышала, как кто-то забарабанил по пассажирской дверце. Я в ужасе подпрыгнула и даже издала испуганный вопль, но к счастью по ту сторону дверцы оказалась Миди. Выдохнув, я разблокировала двери.

– Ты чего?

– За мной гнались какие-то сумасшедшие. Они поняли, что я из «Абиссали» и это снесло им башню, – я запыхалась не на шутку и до сих пор тряслась.

– Это «Бесы». Я забыла тебе о них рассказать, – все так же размеренно говорила Миди.

– Что еще за «Бесы»?

– «Бесы из Саффорда». Они живут в каком-то храме и сражаются со злом. Зло – это мы. Забавные ребята: сначала жестоко расправляются с представителем какой-нибудь местной группировки, а потом идут к себе в храм и читают Библию. Тебе повезло, что ты удрала от них. Они хуже всех

нас вместе взятых, поверь мне.

– С ума сойти...

– Зато теперь ты точно знаешь, что такое Темные улицы.

– Да уж... Мы домой?

– Да. Только ты поведешь до конца, а то я устала.

Знаю я, отчего ты устала. Только взглянув на ее зрачки, можно было понять, зачем она уходила. Добывала дурь. Теперь это обдолбанное нечто распласталось на сидении, и мне придется полночи ехать, не надеясь на чью-либо помощь.

* * *

Миди пела какую-то унылую песню, я вела машину и бо-ролась с жуткой усталостью. Как же хотелось быстрее до-браться до Истона, до своей комнаты, лечь на скрипучую кровать и слушать завывание ветра за окном! Дорога моно-тонная, бесконечная. Руки уже затекли держать руль, а веки так и норовили сомкнуться и больше не открываться. Я уви-дела впереди одинокую заправку. Что ж, было бы неплохо за-скочить туда, выпить кофе, да еще и бензина мало осталось.

– Почему мы повернули?

– Нужно заправиться. Ехать еще прилично, а бензин по-чти на нуле.

Белое, как мел, лицо Миди суксилось, будто это она си-дит за рулем который час и безумно устала.

Мы оказались единственными посетителями на заправке.

Ну правильно, попробуйте найти еще одних идиотов, кто решится разъезжать на древнем авто в такую погоду. Я открыла бардачок, чтобы достать деньги на бензин, но их там не обнаружила.

– Миди, а где деньги?

– Какие деньги?

Ее нарочитая глупость заставила меня нервничать.

– Лестер дал нам деньги на нужды, мы положили их сюда, а теперь их нет, – спокойным тоном сказала я.

– Ну, видимо, они пропали, – если бы это было возможно, из моих ушей пошел бы пар из-за кипящей во мне ярости. – Слушай, я не обязана перед тобой объясняться.

– А мне и не нужны объяснения, все и так понятно. Но как мы теперь заправимся?

Пустой, бестолковый взгляд Миди и ее хитрая улыбочка раздражали меня теперь пуще прежнего. Конечно, мне все понятно. Эти единственные деньги, что были у нас, ушли на наркоту.

– Мы заправимся, как и все обычные люди.

– У тебя есть еще деньги?

– Нет, – улыбнулась она.

– И у меня нет!

– Прекращай истерить.

С этими словами Миди вышла из машины. Я последовала за ней.

– Что ты собираешься делать? – спросила ее я, но осталась

без ответа.

Рваная крутка не спасала от холода. Я обвила себя руками и побежала в маркет следом за Миди.

– Добрый вечер, – сказала Миди.

За прилавком сидел лысый паренек в очках, важно держа в руках геймерский журнал. Он не сразу изъявил желание обратить на нас внимание.

– Добрый, – бросил он, так и не посмотрев на Миди, которая, в свою очередь, оперлась локтями о прилавок, опустив голову на сомкнутые кисти.

– Эн-сель, – прищурившись, Миди прочла имя парня на его бейдже, – Энсель, помоги нам. У нас закончился бензин и... Деньги тоже закончились. Ты не мог бы поделиться с нами парой литров?

– Нет.

Неужели она действительно надеется, что нам просто так дадут заправиться? Хотя Миди, как и все остальные из «Абиссали», привыкла, что в захолустном Истоне ее знают, и боятся, и готовы отдать ей забесплатно все что угодно, лишь бы не получить пулю в лоб. Но, к сожалению, мы еще далеко от Истона и не в Темных улицах, где о нас тоже известно.

– Ну почему сразу нет? Мы живем в очень жестоком мире, и нужно совершать добрые дела. Карма и все такое... Сделаешь добро, и оно к тебе вернется. Сейчас ночь, на улице дубак, наша машина скоро заглохнет. Помоги нам, Энсель.

Но на Энселя мольба о помощи явно не действовала. Он,

наконец, обратил свой взгляд на нас. Худое, прыщавое лицо с жидкой рыжей бородкой скривилось в надменной ухмылке.

– Я сказал «нет». Я не занимаюсь благотворительностью. Если нужен бензин – платите деньги, если денег нет – валите отсюда. Наркоши проклятые!

Я видела лицо Миди только сбоку, но и с этого ракурса могла заметить насколько его выражение изменилось. Оно стало гневным. Миди встала прямо, медленно расстегнула куртку и из внутреннего кармана достала пистолет. Я бесстрастно наблюдала за этим, кажется, я ожидала такое развитие событий.

– А сейчас что ты скажешь?

– Я скажу, что вызову полицию. И убери от меня свой липовый ствол.

За спиной парня висел городской телефон. Миди направила на него пистолет и немедля выстрелила. Громкий выстрел заставил меня вздрогнуть. Пластмассовый корпус телефона взмыл вверх и с шумом обрушился на пол. Перепуганный парень отскочил в сторону. Из-за страха он стал бледнее Миди.

– Черт!.. – слегка пригнувшись, сказал он.

– Следующая пуля твоя. Ну что, займешься благотворительностью?

– Д-да...

– Иди, – повернувшись ко мне, сказала Миди и медленно направила ствол в сторону Энсея, с особым удовольствием

наблюдая, как тот еще больше скрючился.

Я вышла на улицу, живо подошла к автомобилю, вставила пистолет и стала слушать, как бензин поступает в бак. Ох, и долго же мы будем сниться в кошмарах Энселю. На мгновение мне стало даже жалко его, но потом я вспомнила ту отвратительную ухмылку на его лице, и от жалости следа не осталось.

Когда я вернулась обратно в маркет, Миди до сих пор держала на мушке вспотевшего и трясущегося Энселя.

– Можем ехать, – сказала я.

Миди опустила пистолет, подошла к пареньку и поцеловала его прыщавую щеку.

– Спасибо, Энсель.

После этих слов Миди вновь подняла пистолет и выстрелила в голову парня. Я взвизгнула. Бездыханное тело упало, туловище оказалось на полу, а голова приземилась на витрину. Глаза Энселя остались открытыми. По стенам, отделанным белым пластиком, стекали струйки крови.

– Зачем ты это сделала?!

Миди спрятала ствол во внутренний карман, застегнула куртку, повернулась ко мне и довольно улыбнулась.

– Карма.

* * *

Весь оставшийся путь до дома я думала о несчастном Эн-

селе. Да, конечно, он был неприятным типом, но... Черт, что будет с его родителями, когда они узнают о его смерти? А вдруг у него есть дети? А что, если у него тяжело больной брат и Энсель являлся последним кормильцем в семье? Я посмотрела на Миди. Она снова пела, но теперь уже другую песню, веселую. Жутко было находиться в машине с человеком, для которого убийство людей является забавой. Вспомнила, как она разделялась с кроликами, как с наслаждением наблюдала, как дрыгаются в агонии их тела, как хлещет кровь из их пушистых перерезанных шеек. И все же вряд ли в мире найдется еще более жестокий человек, чем Миди Миллард.

Дома так тихо. Со вчерашнего дня все по приказу Лестера отправились в Темные улицы, узнать, кто же причастен к краже оружия и убийству его людей. На втором этаже была комната, которую Лестер превратил в свой кабинет. Она находилась в самом конце коридора.

– Лестер, а вот и мы.

Комната очень маленькая, метров девять, и вся обставленная мониторами, на которых изображены белые кафельные комнаты, в одной из которых я жила около двух месяцев. Так вот где он за мной наблюдал.

– Что-то вы долго.

– Ну, извини. Проблемы так быстро не решаются.

– Рассказывай.

Миди подошла к нему ближе, а Лестер так и сидел к нам

спиной, ни на секунду не отвлекаясь от слезки.

– Алистер Леммон будет на выставке послезавтра, и Арес туда наведается в качестве эскортницы.

Очередное упоминание о моей миссии врезалось в меня, словно кинжал в грудь.

– Молодец, Миди. Я в тебе не сомневался.

Миди расплылась в улыбке.

– А теперь можно я пойду спать, а то сегодня был такой тяжелый день?

– Иди. А ты, Глория, останься.

Миди быстро исчезла, я подошла к Лестеру.

– Смотри.

Мы вместе устремились в мониторы. В каждой комнате по одному человеку. Кто-то спал, сложившись калачиком на кафельном полу, кто-то сидел с запрокинутой вверх головой, словно молясь, кто-то ходил взад-вперед. Совсем недавно я была такой же, как они, я медленно сходила с ума, видела эти холодные белые стены каждый день, они даже снились мне. Сколько слез, сколько крови было пролито мною в одной из этих комнат, сколько боли, страха, отчаяния я испытала, сколько мыслей о смерти меня посещало, сколько раз я кричала в пустоту, сколько... Я выдержала это. Я выдержала все испытания, выдержала расставание с ребятами, выдержала смерть Ребекки, выдержала побег и осознание того, что больше никогда не увижу свою семью. Я выдержала. А значит, выдержу и грядущее мое задание.

– Так вы выявляете предателя?

– Да. Несколько дней без еды и воды сломят хотя бы пару человек из них, и они заговорят.

– Действенный способ.

О да, находясь внутри такой комнаты, хочешь не хочешь, сознаешься во всем.

– Эти комнаты – настоящая находка. Раньше этот дом был убежищем для душевнобольных и на нижний уровень ссылали самых буйных.

Внезапно Лестер отвлекся от камер и обратил свой взгляд на меня.

– Волнуешься?

Неужели его и правда интересует мое состояние? Или это очередная уловка?..

– Не знаю, – честно ответила я. – Смешанные чувства.

– Разве ты не этого хотела? Участвовать в интересных заданиях?

Забавно, что ублажение старика для него является интересным заданием.

– Честно говоря, я уже свыклась с ролью повара. Но я готова сделать все что угодно.

Каменное выражение лица Лестера вдруг смягчилось. Он посмотрел на меня своими черными глазами не гневно, как раньше, не презрительно. Мне стало неловко от его взгляда, ведь именно так на меня смотрел Алекс. Я увидела знакомое удивительное сочетание суровости и мягкости в его глазах.

– Мне нравится твоя преданность. Но предана ты не мне, а Алексу Миду. Это очень искренне, в наше время такое редко встретишь. Знаешь... Меня мучает один вопрос: вот если бы Алекс оказался на твоём месте, он поступил бы так же? Он бы спас тебя?

– Да, – не задумываясь, ответила я. – Он делал это неоднократно и сделал бы ещё раз.

Лестер не верил мне. Уверена, что мысленно он смеялся надо мной, я казалась ему наивной влюбленной дурочкой, готовой ради своих музыкантов на все. Он считал меня их безмозглой фанаткой. Но Лестер даже и не подозревал, насколько велика моя любовь к ребятам. К каждому она особенная. Я люблю Джея, потому что он любил Ребекку, он заботился о ней, заставлял её смеяться, она была такой счастливой рядом с ним... Я люблю Алекса, потому что этот человек сыграл очень важную роль в моей судьбе. Он мой наставник, моя опора, я знаю, что он всегда будет защищать меня, ведь даже находясь за решеткой, Алекс спас мне жизнь. Я люблю Стива. Но почему-то я не могу объяснить свою любовь к нему. Я просто знаю, что не смогу без него. Пока он жив, жива и я. Я люблю его просто потому, что он есть. Пусть он и не рядом со мной, и встретимся мы не скоро.

Неожиданное появление Миди в комнате Лестера заставило меня отвлечься от непрошенных мыслей. Она уже успела облачиться в длинную рубашку и смыть макияж. Выглядела Миди сейчас как обычная, но слегка изможденная девушка.

Так и не подумаешь, что всего пару часов назад она убила человека.

– Лестер, извини, но я забыла еще кое-что сказать. Мне нужно некоторое количество денег на преобразование этого жуткого скелета, – сказала Миди, указывая на меня.

– Деньги ты получишь, не сомневайся, но не в таком количестве, на которое рассчитываешь.

– Неужели после той кражи у нас настолько серьезные проблемы с финансами?

– Да. Именно.

– Мне помнится, у нас еще остался запас.

– Память тебя не подводит, но части запаса уже нет. Я отдал сто тысяч Наоми, жене Ферджесса, – имя своего погибшего друга Лестер произнес с глубокой печалью. – У нее двое детей, и ей эти деньги теперь крайне необходимы.

В эту минуту Лестер мне казался очень благородным человеком. За властным обличием скрывалась добрая душа, для которой долг и уважение не пустые слова.

– Очень мило, что ты заботаешься о детях, которых и в глаза не видел, но как же мы?

– У нас еще есть средства на острые нужды. А оставшуюся половину запаса я приберегу для другого.

– Для чего же, интересно знать?

Лестер обратил на нас свой хитрый, холодный взгляд.

– Для мести.

Весь следующий день Миди посвятила подготовке меня к встрече с Алистером Леммоном. Она подробно описала его внешность, привычки, манеры. Этой информацией с ней, видимо, поделилась Дрим. Миди объяснила мне, как себя вести, что говорить, как не выдать себя. Она раздобыла мне платье, черное с длинными рукавами, чтобы скрыть мой шрам на руке, он все еще красный и болезненный. Также Миди позаботилась о том, чтобы никто не увидел фирменный знак «Абиссали», она посоветовала скрыть тату за широким черным чокером. Сначала они насильно мне ее набили, а теперь заставляют скрыть ее наличие от людских глаз. Как же глупо.

Ночью мне не удалось уснуть. Сначала думала о том, как мне придется вести себя с Алистером. Я должна быть ласковой, нежной, кокетливой, несмотря на то что у меня есть парень. Как же гнусно я поступаю!

Я не могла спокойно лежать, постоянно ворочалась, тело ломило, старые травмы в ту ночь вспомнили о своем существовании. И тут я вновь подумала о тех днях, проведенных в кафельной комнате. Как мне было тяжело! Вспомнила тот момент, когда Брайс сбил меня с ног, вышиб все силы, я лежала, еле дыша, смотрела на лампу, из-за ее яркого света слезились глаза. Я ведь тогда почти сдалась, но... Все же я

нашла силы и встала. Мне было больно, но я встала. Кажется, моя жизнь в этот момент висела на волоске, но, несмотря на это, я шла вперед, к Брайсу, человеку, который одним лишь своим дыханием способен повалить меня на пол. Я нашла в себе силы и ударила его. Моя сросшаяся кость сейчас вновь заныла.

Я выдержу. Что бы ни случилось, я выдержу. Все видят во мне только маленькую, слабую девчонку, но я докажу, что они глубоко заблуждаются.

Миди оставила меня у «Дикого цветка». Перед этим мы больше часа провели в салоне, визажист старательно скрыл все мои синяки под тонной косметики, а парикмахеры превратили мои дряхлые волосенки в сверкающие локоны. Я наконец-то выглядела не как привокзальный бомж, и это немного радовало.

– Быстрее, быстрее! – кричал сутулый паренек. Оформленная черная борода придавала ему малость статности. Видимо, это и есть тот самый Ноэль. Девушки мигом выполнили его приказ и по очереди залезли в салон его автомобиля.

– Здравствуйте, – сказала я.

– Ты и есть та самая Арес? – спросил Ноэль, осмотрев меня с ног до головы.

– Да.

– Ну Дрим... Больше я не поведушь на твои уловки. Ладно, садись.

Если я ему не понравилась с пятью тысячами слоями макияжа, то представляю, что он сказал, если бы увидел меня в обычной жизни. Это, конечно, задело мое и без того шаткое самолюбие, но все же он не прогнал меня, а значит, малая часть плана уже выполнена. Мне пришлось втиснуться на заднее сидение, где уже расположились три девушки.

В салоне жутко воняло одеколоном Ноэля. Запах резкий, и вдобавок смешался с пестрыми ароматами духов девушек. Голова кружилась, и меня слегка подташнивало.

Итак, Дрим рассказала мне немного о моих спутницах. У противоположной дверцы сидела Лора, курносая шатенка, рядом с ней – Дарлин, волосы ее подстрижены под мальчика, но это не лишило ее женственности, она славилась своей гладкой бронзовой кожей и большими карими глазами. Возле меня сидела Эйвер, у нее огромная грудь и шикарные рыжие волосы; на пассажирском кресле у Ноэля – черноволосая Этти, она была похожа на пантеру в своем изящном черном платье. Этти самая старшая из них и самая опытная. Дрим сказала, что клиенты ее обожают. В целом девушки просто картинки, каждая из них не похожа на другую, в каждой есть своя особенность. Представляю, как на их фоне выглядела я. Мне многие говорили, что я красивая, но, наверное, им стоило бы обратиться к офтальмологу. Человек с хорошим зрением не назовет меня красивой.

– Ой, девочки, как бы не уснуть на этой выставке, – сказала Эйвер.

– Однажды я была на подобном вечере, – рассказывала Дарлин, – просто эпицентр скукотищи. А из напитков – только жалкое шампанское да газированная вода. Кстати, на вкус они были одинаковы.

Девушки засмеялись, все, кроме Лоры. Та сидела, угрюмо смотрела в окно, словно ей ни до кого дела не было до

Остальных.

– Ты чего это? – спросила Дарлин.

– Ничего.

– Все никак не можешь оклематься?

– Посмотрела бы я, как ты быстро оклемалась, после того как тебя нашли лежащей на обочине с проломанной головой.

Улыбка с лиц девушек мгновенно исчезла.

– Лора, дорогая, мы это уже обсуждали с тобой, – вмешался Ноэль. – Не все такие сволочи, как... Ну ты сама знаешь. Забудь это как страшный сон.

– Да, забудь, – утешала Дарлин. – На вот, лучше выпей это.

Дарлин достала из своего клатча баночку с таблетками и передала ее в руки Лоры.

– Что это за волшебные пилюли?

– В последнее время у меня проблемы со сном, а они мне немного помогают.

– Ты что, хочешь, чтобы я вырубилась?

– Выпей четверть, и с тобой ничего не будет. Только успокойся.

Спустя полчаса мы оказались у дверей дорогущего ресторана. Для меня все сверкающие заведения, с чистыми дверями и без криков пьяных посетителей за ними, кажутся дорогущими.

Вылезая из машины, я поняла, что, несмотря на мои ежеминутные успокоительные мантры, моя лживая уверенность покинула меня. Глория Макфин заделалась шпионкой. Сем-

надцатилетняя девчонка, которая даже школу не закончила, идет к главарю одной из самых могучих группировок, чтобы выяснить их хитроумные планы. Подумать только! Меня кто-то схватил за руку, и я вздрогнула, морозный воздух со свистом влетел в мое горло, и стало так холодно, что казалось, кишки покрылись инеем.

– Привет, я Этти. Дрим мне рассказала про ваш план.

Я учтиво кивнула.

– Ты первый раз этим занимаешься?

– Да.

Ее вопрос почему-то заставил меня покраснеть, будто я призналась в чем-то постыдном.

– Воспринимай все это как игру, – сказала она, элегантно отбросив черную блестящую прядь и устремив свой кошачий взгляд вверх, на темное, молчаливое небо. – Будь легкой, улыбайся чаще. Играй. Они думают, что мы их игрушки, но на самом деле все иначе.

Но я все равно себя чувствовала дешевой игрушкой, арендованной на вечер. И слова Этти меня не успокоили. Мы зашли в ресторан, в воздухе витал запах шоколада и ванили. Ноэль привел нас в холл, где в ряд стояли уютные кожаные диванчики, на одном из них сидел мужчина в сером костюме. Черная копна волос припорошена сединой, нависшие веки делали его взгляд мрачным, уголки рта тянулись вниз, создавая впечатление, что этот человек не способен на улыбку. Он медленно встал и подошел к нам. Я и остальные девушки

выстроились в одну шеренгу.

– Вот, это самые лучшие, – с гордостью произнес Ноэль.

Теперь я еще больше чувствовала себя бездушным товаром.

Мужчина в сером оценивающе глядел на нас.

– Ты пойдешь к Бернаруду, он сидит за шестым столиком, – сказал он Этти.

Далее мужчина подошел к Лоре.

– Герольд, пятый.

Затем его внимания удосужилась Дарлин.

– Марк, седьмой.

Чем ближе он ко мне, тем быстрее колотилось мое сердце.

– Мистер Леммон, первый столик, – сказал он Эйвер.

Черт!

– Трент, третий, – адресовано мне.

О том, что нас будут еще и распределять, я даже не догадывалась. Весь план мгновенно провалился за несколько секунд. Я понятия не имела, кто такой Трент, но, может быть, мне и его общество было бы полезным. Хотя... Черт, казалось, что я вновь нахожусь в кафельной комнате и Лестер наблюдает за мной. Мне дано испытание и перечислена четкая расстановка действий, я должна следовать ей. Я должна попасть к Леммону! Но как? Этти... Раз она знает о нашем плане, значит, сможет мне помочь. Человек из «Сальвадора» ушел в зал, девушки практически одновременно раскрыли свои блестящие клатчи и достали зеркала, чтобы попра-

вить макияж.

– Дорогие мои, ведите себя хорошо, – сказал Ноэль, а затем покинул здание, оставляя нас одних.

– Этти, – сказала я, – мне нужно попасть к Алистеру Леммону.

Она долго смотрелась в зеркальце, не замечая мое присутствие, а затем, улыбнувшись, сказала:

– А я бы хотела попасть к Бреду Питту, но выбор здесь, увы, делаем не мы. Эйвер ни за что не отдаст Леммона, он довольно хорошо платит за ночь.

Да... Шлюхи не идут на уступки – это факт. Но они любят деньги – это тоже факт. Этим я и воспользуюсь. К счастью, у меня еще осталось приличное количество денег от той суммы, что дал нам Лестер на мое преобразование.

Я подошла к Эйвер. Та подкрашивала свои пухлые губки.

– Эйвер, не хочешь поменяться клиентами?

Из-за моего предложения ее рука дрогнула, и помада едва не оставила след на ее щеке.

– Ты в своем уме?

Я достала купюры, и, взглянув на них, Эйвер чуть не лишилась речи.

– А так?

– А зачем тебе этот старикашка?

– Ну... Я тащусь от старикашек. Такой мой фетиш.

Эйвер с недоумением посмотрела на меня, но руки ее быстро выхватили мои деньги и с той же скоростью, чтобы

никто не увидал, запихнули их в свой клатч.

– Значит, мне идти к Тренту?

– Да, третий столик.

Ну что ж, еще одна ступень была пройдена. Азарт овладел моим рассудком. В это мгновение я оставила свои принципы и страх, во мне вновь ожили уверенность, твердость, что я приобрела за кошмарные месяцы моей прошлой жизни. Мы зашли в зал, каждая направилась к своему «принцу». Здесь скопилось порядка двадцати мужчин, у подавляющего большинства уже имелись женщины, наверное, у каждого свои предпочтения и свои поставщики девушек. До первого столика топать долго не пришлось. Мужчина сидел ко мне спиной, в руке он держал сигару. Все его толстые, короткие пальцы были заключены в массивные перстни, они игриво поблескивали, когда он совершал движения своей пухлой волосатой кистью. Я обошла стол, чтобы увидеть лицо моего спутника. Миди нелестно отзывалась о его внешности, она назвала его мерзкой, жирной, старой, похотливой гориллой, но, увидев его вживую, я поняла, что Миди еще по-доброму его описала. Для его солидного возраста он обладал пышной черной шевелюрой, видимо, он, в отличие от своих сородичей, не видел красоты в седине и всячески ее закрашивал. Черные, густые брови в застывшем нахмуренном состоянии; из его широких ноздрей выглядывали волосы, они дотягивались до тонких ниточек усиков; на коже морщины едва заметны из-за одутловатости его лица.

– Добрый вечер. Меня зовут Дрим.

Миди настояла, чтобы я представилась именем ее подруги. Алистер посмотрел на меня с абсолютным безразличием.

– Я же сказал, послать мне какую угодно, только не такую тощую, – высказал свое недовольство он хриплым голосом. – Ну так как ты говоришь тебя зовут? Дрим?

– Да.

– Значит, вот так выглядит моя мечта.

«Играй», – слышала я голос Этти. Наслаждайся этим моментом, Глория, как бы противно тебе ни было. Он думает, что пользуется тобой, но на самом деле это ты его используешь.

– Я не разочарую вас, мистер Леммон, – с изящной учтивостью сказала я.

Алистер встал из-за стола, и теперь я могла окончательно насладиться его «великолепием»: он ниже меня на десять сантиметров, короткие, неуклюжие ноги с трудом удерживали равновесие из-за огромного живота. Мистер Леммон был похож на жабу, которую надули, как шарик.

– Господа, пора трогаться в путь, – сказал он.

Все встали и направились к выходу со своими дамами.

Леммон протянул мне свою руку, я протянула в ответ, на лице моем красовалась улыбка, но внутри себя я переживала жуткое отвращение, словно только что я положила свою кисть не в его ладонь, а в кучу навоза.

Его ноги шагали медленно, шел он вразвалку, и я миниа-

тюрными шагами шла рядом с ним.

Ну что ж, игра начинается.

* * *

Выставка проходила в огромном павильоне, наполненном белыми тонкими стенами; соединяясь между собой, они представляли целый лабиринт. На стенах висели картины, каждый отсек лабиринта предоставлен одному художнику. Встречались широкие отсеки, где ждали гостей длинные столы со скромными порциями еды и подносами с шампанским. Немного перекусив, можно было отправиться дальше исследовать лабиринт. Людей, жаждущих повидать искусство, там было полно. Все одеты сдержанно, но дорого. На руках мужчин блестели часы, которые, наверное, обладали стоимостью двухсот моих почек, выглаженные костюмы шуршали так же, как и внушительная пачка денег, на которые они были куплены. Дамы – в не менее роскошных платьях, их бриллианты на ушах, на шее, на руках впитывали свет от потолочных ламп. Все блестело, да так ярко, словно сюда спустились звезды с неба. Люди в сером завоевали тот вечер, однозначно. Лишь изредка попадались люди не из «Сальвадора».

Алистер только вначале ходил со мной, затем он отстранился от меня и проводил максимальное количество времени со своими знакомыми. Я старалась наострить уши, находиться как можно ближе к его компании, но ничего не вы-

шло. С большим трудом удавалось различить чьи-либо голоса. Всюду смех, звон бокалов, а в одном из отсеков еще и музыканты играли на скрипках, их мелодия была слышна повсюду, все это слилось в единую волну шума. Я ходила, как идиотка, вокруг Алистера, следовала за ним по пятам, наблюдала за каждым его шагом, но никаких результатов мои старания не принесли. Меня это жутко злило. Вечер уже подходит к концу, и что потом я расскажу Лестеру? О чем интересном я здесь узнала? О том, что волосы в ушах Алистера настолько длинные, что щекотали мои плечи, пока мы шли, или же я поведаю о том, как, наблюдая за ним, я чуть не подавилась оливкой, которую нашла на столе для гостей? Это полный провал. Хотя Лестер знал, кого он посылает. Я не гожусь в разведчики. Я сделала все, что могла, добилась того, чтобы сопровождать Леммона, но на большее я не способна.

Рослый мужчина во фраке и с очень умным лицом представился Джоном Миртеллом и любезно огласил, что готов рассказать собравшимся гостям об особо удивительных картинах. Алистер и горстка его людей последовали за ним, ну и я вместе с ними. Около каждой картины мы стояли по пять минут, Джон монотонно рассказывал о художнике, о истории его произведения. Это было настолько «увлекательно», что хотелось сорвать одну из картин со стены и острым ее краем перерезать себе вены. Мы подошли к очередной картине. На холсте изображены очертания домов, тротуар, на

котором распласталось нечто вроде человеческого трупа, рядом с тротуаром – канал. Все это выведено толстой кистью, смоченной в черной краске, а фон покрашен белым. Создавалось впечатление, что эта картина не дописана. Холст лишен красок: только белое и черное. Эти цвета навевали тоску. Кажется, таким видит мир человек, когда он опустошен: черно-белый мир без единого проблеска яркой надежды.

– А вот еще одно уникальное произведение. Но я убежден, что немногие знают его автора.

– Кристо ДеАфолинни, – сказала я.

Толпа перенесла взор с картины на меня. Осунувшееся лицо Джона Миртелла исказилось в улыбке.

– Приятно знать, что такие молодые особы увлечены искусством. Возможно вам известно название этого творения?

– «Плачущая Венеция».

Я обратила внимание на Алистера. Он был удивлен, как и все присутствующие, и во мне его удивление породило долгожданное удовлетворение.

Играй.

– Вообще это наиболее известная работа ДеАфолинни, – продолжила я. Толпа расступилась предо мной, я подошла ближе к картине. – Он изобразил тысяча семьсот девяносто восьмой год, закат Венецианской республики. Примечательно, что мы видим здесь такое большое количество белого цвета. Люди постоянно ассоциируют смерть с черным, но Кристо ДеАфолинни показывает нам истинный цвет смерти

– белый. Как кожа мертвеца.

– А еще есть мнение, что белым цветом он обозначил пустоту, безмерность, – сказал Джон, все так же криво улыбаясь.

– А разве это не есть смерть? Пустота. Освобождение от всего.

Нет, я не тронулась умом (хотя это спорный вопрос), и я не являюсь дикой поклонницей живописи, просто накануне Миди сказала мне, что данная профессия предусматривает умение вести светские беседы. Меня это огорчило. Я являюсь человеком, который позволил себе с легкостью спать в лесу на голой земле, жрать дешевые сосиски и даже валяться обрыганной на асфальте, находясь в наркоманском бреду. Само собой, я и светские беседы – это два несопоставимых понятия. Но! Я умею читать и запоминать, поэтому я не поленилась позаимствовать ноутбук у Миди и воспользоваться интернетом. Я подумала, что Алистер или его знакомые обязательно захотят поговорить об искусстве, об увиденных картинах, поэтому я нашла информацию о предстоящей выставке, прочла о художниках, чьи работы там будут представлены, далее ушла куча времени на ознакомление с их художествами, и, конечно, многое вылетело из моей дырявой головешки, но картина «Плачущая Венеция» глубоко вошла в мою память. Уж сильно она понравилась мне.

Алистер потрясен, а я ликовала, словно сделала что-то необычайно сложное. С этой минуты Леммон не отходил от

меня, мне даже выпала честь находиться среди его людей, участвовать в их дискуссиях, ходить вместе с ними и дивиться работам художников с труднопроизносимыми фамилиями. Иногда мне было сложно поддержать разговор, но тогда, как советовала мне Этти, я улыбалась, а затем аккуратно переводила тему, а если мне удавалось еще что-нибудь вспомнить из тех статей в интернете, что я прочла, так это вообще успех. Старики, которые окружали Алистера, довольно начитанные, даже излишне, поэтому они любили общаться с подобными им. Их дамы только и умели, что кокетливо смеяться да глазеть по сторонам, но я от них отличалась. Во-первых, отсутствием дорогих украшений, а во-вторых, умными речами. Поэтому Алистер и возгордился, ему было приятно, что он в сопровождении образованной девушки. Образованной... Да уж, мои учителя, что закидывали меня низкими оценками, словно камнями, тоже бы поразились моим знаниям. А потом громко посмеялись.

Это, конечно, все прекрасно, но... Мои собеседники только и говорили об одном искусстве, лишь единожды они отвлеклись на другую тему. Старик, кажется по имени Грейн, начал рассказывать о своем безупречном лете, как он играл в гольф, но потом он поделился рассказом о том, как случайно забрел на выставку современного искусства, и все вновь вернулись к прошлой теме. Я слушала их, потом вставляла свое словечко, затем снова слушала, говорила... И ничего путного не узнала.

Ну а если подумать, они же ведь не идиоты, чтобы на выставке живописи обсуждать то, как совершили нападение на Ферджесса и украли оружие. И все же я действительно сделала все, что могла. Я старалась вдоволь насладиться вечером, и весь этот светский шум стал для меня приятным. Когда еще мне удастся побывать в такой обстановке, где красиво вокруг и вкусно пахнет?

Мероприятие подошло к концу, гости сделали последние глотки шампанского, завершили свои беседы и, бросая слова благодарности организаторам, направились к выходу.

Алистер все еще терся возле меня. Неужели я последние минуты вижу этого мерзкого человека? Мало того что мне пришлось весь вечер быть ласковой кошечкой для него, так этот коротконогий уродец даже и не заикнулся о своем совершенном поступке.

– Кажется, нам пора прощаться? – сказала я.

– Не думаю.

Мои глаза врезались в него, чувство тревоги накрыло меня мощной волной, не знаю, как при этом мне еще удалось сохранить натянутую улыбку на своем лице.

– Я хочу, чтобы ты провела со мной эту ночь, моя Мечта.

Он открыл дверь номера и любезно пропустил меня вперед. Всю дорогу до отеля я старалась вести себя спокойно, не выдавать никаких эмоций, но, переступив порог номера, мне стало еще труднее сдерживать себя, особенно когда, проходя мимо Алистера, я почувствовала его дыхание на своей коже.

– Нравится тебе здесь?

Алистер заказал номер под стать себе: дорогой и огромный. Возможно, мне бы понравилось его убранство и я бы захотела остаться тут навечно, если бы не была здесь в качестве шлюхи... Теперь же эти стены, эта антикварная мебель, весь этот лоск казались мне уродливыми, отталкивающими. Но все же я должна была продолжать играть, невзирая на то, что игра эта зашла слишком далеко.

– Да, отличный номер, – сказала я.

Прошла дальше и остановилась, беспокояно пробегаясь глазами по помещению. Примерно в десяти шагах от меня находилась кровать – высокая, широкая, по другую сторону от меня располагался низкий столик из темного дерева, возле него – два смотрящие друг на друга кресла, чуть дальше стояла белая статуя девушки, в полумраке трудно было разглядеть ее лицо, но я не сомневалась в том, что оно печальное, как и мое.

Внезапно раздался стук в дверь.

– Надо же, как быстро, – сказал Алистер, а затем живо потопал своими жирненькими ножками к двери.

А я продолжала стоять, как та статуя, бледная и безжизненная. Алистер вернулся довольный с бутылкой вина в руках.

– Я заказал нам великолепное вино. Такое ты еще не пробовала.

Жаль, что он держит только одну бутылку, я бы сейчас не отказалась от целого ящика даже самого дешевого пойла, лишь бы поскорее отрубиться и покончить с этим днем. Выпить, уснуть и ни о чем не думать.

А ведь мысль неплохая...

Мы уселись в кресла. Алистер, пыхтя, открыл бутылку, и в следующее мгновение тишина в номере прервалась плеском вина в бокале. Его мохнатая рука, держа бокал, тянулась ко мне, я взяла его, подождала несколько секунд, пока Алистер наполнит свой, и затем мы одновременно сделали глоток. Да, вино в самом деле великолепное. Жар медленно потек по моему горлу, тепло постепенно заполнило мой желудок, а кисло-сладкое послевкусие до сих пор напоминало о недавно совершенном глотке. На несколько секунд мне стало приятно, я даже немного расслабилась, но затем я подняла взгляд на Алистера. Тот сидел, уставившись на меня, его и без того широкие ноздри становились еще шире при каждом вдохе. Чувство отвращения вновь вернулось ко мне.

– Расскажи мне о себе, Дрим.

– Моя жизнь ничем не примечательна, – я позволила себе коротко улыбнуться.

– Ты давно занята в этой сфере?

– Нет. Наверное, вы уже это заметили.

Алистер громко проглотил очередную порцию вина.

– Ты очень робкая. Но это не отталкивает.

В доказательство своим словам, он пододвинул свое кресло к моему настолько близко, что мои колени теперь уперлись в его ноги. Напряжение во мне росло с небывалой силой.

– А может, лучше вы расскажете о себе?

– Неужели ты ничего не знаешь обо мне?

– Ничего, кроме того, что вы властный и уважаемый человек в этом городе.

– Меня больше боятся, чем уважают.

– Боятся? Но почему? Что же вы такое делаете?

– Я делаю очень много плохих вещей, о которых тебе лучше не знать, моя Мечта.

– Все люди иногда делают плохие вещи... Даже я.

Эту фразу словно кто-то другой произнес за меня, так бесстрашно, игриво, и Алистеру это понравилось, он улыбнулся, и его лицо стало еще страшнее.

Нечего ждать, Глория, действуй!

– Кажется, кто-то постучал в дверь, – обеспокоенно сказала я.

– Я ничего не слышал.

– Может, вы проверите? А то мне что-то не спокойно.

Алистер неохотно выполнил мою просьбу. Он медленно поднялся, его живот, наполненный вином, стал еще больше. Пока Леммон ковылял к двери, я заполнила свой опустевший бокал вином и подлила немного в бокал Алистера. Тот уже оказался возле двери, открыл ее и обнаружил, что за порогом никого нет.

Ему потребовалась еще пара минут, чтобы пройти расстояние от двери до столика.

– Я же сказал, что там никого нет.

– Прошу прощения, мистер Леммон. Вечно мне что-то слышится, мерещится. Давайте лучше выпьем.

– С удовольствием.

И вновь в горле вспыхнуло пламя, такое приятное и вкусное.

– Я бы проговорил с тобой целую ночь, Дрим, но я уже слишком стар и боюсь, если потрачу много сил на разговоры, то у меня их не останется для главного.

Алистер подошел ко мне, положил свои мохнатые руки мне на плечи, от их прикосновения я оцепенела, в горле застрял вдох.

– Тогда я быстро приму душ и вернусь, хорошо?

Не дожидаясь ответа, я вскочила, понеслась в ванную, заперла дверь и начала себя успокаивать тем, что хоть на несколько мгновений я здесь в безопасности. Включила душ, а сама села на пол, обвив колени руками. Мне так хотелось

заплакать, но слезы почему-то не шли. Никогда я еще не чувствовала себя настолько мерзкой, настолько грязной. Как я могла согласиться на это? Как?! Что я творю?.. Я не хотела покинуть ванную, была бы воля, я бы забаррикадировалась здесь на всю жизнь, лишь бы больше не видеть этого волосатого чудища за пределами комнаты. Что же ты сделала, Глория? Если бы ты не заварила эту мерзкую кашу, все было бы иначе. Ты жила бы в своем ненавистном Бревэрде, ходила бы в школу, жила бы как нормальный подросток. Почему ты так много делала, но так мало думала?.. Я сидела в ванной, наверное, минут десять, звук воды несколько успокаивал, а чтобы окончательно отвлечься от гнетущих мыслей, я стала подсчитывать количество кафельных плиток на противоположной стене, тем же я занималась в подzemелье Лестера.

– Дрим, поторопись, – услышала я голос Алистера.

Я поднялась, сняла туфли, затем платье, надела белый халат и покинула ванную.

Алистер тоже освободился от одежды. Он сидел в трусах на кровати и указал мне взглядом сесть рядом с ним. Я чувствовала, как желчь жжет мне глотку, а в животе что-то шевелится, словно клубок змей. Пошла вперед, присела на край кровати. Он двинулся ко мне и начал целовать ухо, затем захватил своими фарфоровыми зубами мочку. Прислонился волосатой грудью к моему плечу, я ощутила запах его пота вперемешку с одеколоном.

– Может, еще выпьем вина? – сказала я дрожащим голо-

сом.

– Я не хочу больше вина. Теперь я хочу напиться тобой, – шептал он мне прямо в ухо, отчего оно стало мокрым.

Далее он стал целовать мою шею, ключицы, с каждым новым поцелуем я чувствовала, как рвота медленно подкатывает к глотке, во рту стало кисло. Я отвернулась и зажмурилась. Я поняла, что тем самым навлеку на себя бурю негодования со стороны Алистера, но уже ничего не могла поделать. И все же его мое настроение мало волновало. Он возбужден, животная похоть им полностью овладела, одной рукой он схватил меня за горло, другой сорвал с меня пояс, и махровая ткань, некогда защищавшая мое голое, одеревеневшее тело, пала с меня. Я покраснела, пыталась прикрыть рукой свою обнаженную грудь, но Алистер, недовольно пыхтя, как свинья, вцепился в руку, отводя ее в сторону, а затем опустил голову к моей груди, желая дотронуться своими сухими губами до нее. Я с силой отпихнула его, но ему это похоже понравилось, и он, наслаждаясь моим страхом, настырно сопротивлялся мне, вновь схватил меня за шею, да так сильно, что я начала задыхаться.

– Ты будешь послушной девочкой, поняла? Сиди смирно.

И как только он собрался вновь прильнуть ко мне, глаза Алистера закрылись, кисть его руки, что мертвой хваткой держала мою шею, расслабилась, и он пал на спину.

– Алистер?

Я бы хотела, чтобы он умер, но Леммон только заснул,

это можно было судить по его медленно поднимающемуся и опускающемуся брюху и громкому храпу.

Подействовало, черт возьми!

Когда Дарлин утешала Лору в машине и дала ей таблетку, чтобы та успокоилась, я попросила ее поделиться со мной, так как и мне немного расслабиться в тот момент не мешало. Дарлин дала мне баночку, я отсыпала себе несколько таблеток, а та сказала, чтобы я не вздумала принять все таблетки разом, иначе я сразу отрублюсь. Я приняла лишь четверть, но остальные пилюли возвращать не стала, так как полагала, что они мне еще понадобятся. Хороший сон для меня тоже явление редкое.

Когда Алистер пошел к двери, я, воспользовавшись моментом, наполнила его бокал вином и бросила туда две таблетки. Странно, что он не ощутил разницу во вкусе, но это мне было только на руку.

Я накинула халат на себя, встала. Ноги Алистера, две лохматые сардельки, свисали с кровати, я подняла их. Теперь самое неприятное. Нужно было снять с него трусы, ведь когда он пробудится, Леммон должен думать, что у нас с ним все было. Отвернув голову, сняла трусы, швырнула их в сторону, а на храпящее, голое тело набросила одеяло. Далее молниеносно побежала в душ. Вот теперь он мне крайне был необходим. Включила воду и мощным ее потоком пыталась смыть все поцелуи Алистера, его слюни, пот, запах, что впитала моя кожа. Я растерла ее до красноты, еще и еще, хоте-

лось даже вырезать ножом те участки моего тела, которых коснулись губы Леммона. Я вспомнила о Стиве. Мне казалось, все, что происходило в этом номере несколько минут назад, Стив видел, чувствовал. Мне стало так стыдно, и долгожданные слезы хлынули из глаз. Почему я сразу не остановила его, почему я не набралась смелости и не сбежала от него, почему я не отказала ему?.. Я знала ответ, но он еще больше заставлял меня чувствовать себя виноватой. Я боялась. Я тупо его боялась. Я вновь поддалась своей проклятой слабости. Даже сейчас мне было страшно. Вдруг он проснется?

Вдруг он проснется и закончит начатое?..

* * *

Серый свет проникал сквозь зашторенные окна, предупреждая о скором рассвете. Всю ночь я провела сидя в кресле, мне удалось немного поспать, но все же я старалась как можно больше времени воздерживаться от сна. Я следила за Алистером, прислушивалась к каждому его вдоху. Как только стало светать, я поднялась, затекшее тело недовольно скрипело в суставах, голова кружилась и болела. Тихими шагами пошла в ванную. Макияж я оставила нетронутым, лишь слезы его слегка испортили, тени на нижних веках смазались, их я решила смыть. В целом, несмотря на практически бессонную ночь, выглядела я неплохо, разве что немного

уоставшей. Я надела свое платье, погрузила ступни в туфли. Превратив кисть правой руки в гребень, расчесала волосы.

Ох, осталось совсем чуть-чуть потерпеть, и все закончится.

Алистер проснулся спустя три часа. Его лицо еще больше опухло, на губах видны белые остатки слюны, что текла из его открытого рта всю ночь.

– Доброе утро, мистер Леммон, – ласково произнесла я.

Он несколько мгновений кряхтел, затем еле-еле поднялся и схватился обеими руками за голову.

– Скорее хреновое утро. Как же меня мутит!.. Я что, вчера отключился?

– Да, но не сразу. Перед этим мы провели с вами несколько потрясающих минут, – даже лгать мне об этом отвратительно.

– Я ничего не помню.

– Зато я все помню. И могу рассказать в ярких подробностях, если желаете.

И если меня не вырвет при этом.

– Не желаю. Голова зверски трещит.

Ну и прекрасно. Алистер встал и, шатаясь, абсолютно не стесняясь своей наготы, пошел в ванную.

– Я вижу ты уже собралась. Сейчас я приму душ, и мы поедем завтракать.

Только не это! Я больше не выдержу нахождения с ним. Неужели этот кошмар никогда не закончится?

– Это не обязательно, я не голодна.

– Это не обсуждается.

* * *

За столиком сидели два человека в серых костюмах. Один из них лысый с лопатообразной седой бородой, а второй – кучерявый, с бородавчатым лицом и вторым подбородком. Вчера мы были с ними на выставке.

– Доброе утро, Алистер, – сказал лысый.

– Мне пришлось выпить четыре таблетки аспирина, чтобы это утро стало добрым.

– Видимо у вас была веселая ночь с красавицей Дрим, – улыбаясь во все тридцать два вставленных зуба, сказал кучерявый.

– Верно подмечено.

К нам подбежал тощий официант.

– Заказывай что хочешь, – сказал Алистер, – а я буду только кофе.

Я заказала малиновый чай и шоколадный пудинг. Мужчины стали болтать о минувшем вечере, каждый делился своими впечатлениями, а я в это время рассматривала лиловые стены ресторана и обнаружила, насколько красиво они сочетаются с белыми окнами и с нежно-розовыми розами, поставленными в вазы на каждый столик. Наконец, мне принесли мой заказ, за время его ожидания мой аппетит

проснулся и отозвался болезненным ворчанием в животе.

– Дрим, а вы знаете, что на следующей неделе, в четверг, в том же павильоне на Миддл-стрит будет выставка Морта Гюярда? Вам известен этот художник? – спросил лысый.

– Если честно, нет. Я не настолько хорошо разбираюсь в искусстве, – теперь мне не нужно было притворяться всезнайкой, чтобы понравиться этим стариканам.

– О-о, тогда вы тем более должны ее посетить. Морт Гюярд – настоящий талант. Уверен, вы будете впечатлены его работами.

К нашему столику приблизился еще один мужчина в сером. Я посмотрела на его лицо, и меня мгновенно бросило в жар. Это был тот самый человек, который помог мне завести машину. Во рту пересохло, хотя несколько секунд назад я сделала глоток чая.

– Аарон, наконец-то, – сказал Алистер.

– Здравствуйте, господа...

Аарон смотрел на меня, а я на него. Нет бы отвернуться или пуститься в бегство прямо сейчас, но я сидела, шею парализовало страхом, глаза застыли на его лице.

– Что такое, Аарон? – вмешался Алистер. – Ты первый раз видишь красивую девушку? Так знакомься, ее зовут Дрим.

– Очень приятно, Дрим.

– Взаимно, – тихо ответила я.

Аарон уселся на свободный стул. Неужели он не узнал меня? А если узнал, то почему молчит?

– Есть какие-нибудь вести?

– Есть. Но нам лучше поговорить без лишних ушей. Да и я боюсь, что Дрим заскучает, слушая наш разговор.

Ну уж нет, я ждала ваш разговор столько времени и столько пережила ради него.

– Можно я доем свой пудинг и пойду?

– Аарон, говори. Неужели мы будем вечность ждать, пока она съест свой пудинг?

Аарон, окатив Алистера недовольным взглядом, все же подчинился его приказу.

– наших новых союзников с каждой ночью становится все меньше и меньше. Лестер Боуэн выпустил своих крысят в Темные улицы. Они дежурят там ночами и убивают всех, кто хоть что-то знает.

Черт!.. Я едва ложку мимо рта не пропустила. Веди себя непринужденно, Глория. Продолжай наслаждаться лиловым цветом стен и изображать дурочку, ничего не смыслящую в мужских разговорах.

– Да... Его детишки обожают проливать человеческую кровь. Где он только взял этих кровожадных тварей? Ну что ж, пусть продолжают убивать падальщиков, раз им так нравится. Лестер все равно не узнает, где пройдет сделка. Господа, вы же помните, что через два дня мы отправляемся в Сабадель?

– Алистер, твои лошадиные скачки для меня событие года, – сказал кучерявый.

– Ты долго еще будешь здесь сидеть? Нас ждут дела, – ворчал Аарон.

– Дела, дела...

Информации, конечно, я получила не так много, как хотелось, но я надеялась, что Лестеру этого будет достаточно. С облегчением признала, что мои мучения были не напрасны.

Алистер встал из-за стола, пару секунд порылся в кармане своего пиджака, достал ключи от номера и протянул их мне.

– Держи.

– Зачем вы мне их даете?

– Я сообщу Ноэлю, что ты останешься еще на одну ночь. Вечером я загляну к тебе в номер, а пока отдыхай.

Еще одна ночь.

Еще одна ночь... Я попыталась улыбнуться, но печаль на моем лице нельзя было скрыть даже за улыбкой. Алистер с Аароном развернулись и ушли, далее меня покинули Лысый и Кучерявый, с особым трепетом что-то пробормотав мне напоследок. Я осталась наедине со своим недоеденным пудингом и остывшим малиновым чаем, похожим на кровь.

Еще одна ночь.

* * *

Миди ждала меня возле «Дикого цветка». Продрогшая до костей, я залезла в салон автомобиля.

– Ну как ночка?

– Незабываемая, – сказала я, скривя лицо, словно к моему носу поднесли что-то дурнопахнущее.

– Что-нибудь узнала?

– Лестер был прав. Нападение на Ферджесса совершили люди из «Сальвадора» вместе с какими-то... Падальщиками.

Я так и не поняла, кто это.

– «Грифы». Это мы уже знаем, что еще?

– Через два дня Алистер и его люди отправляются в Сабдель. Там будут проходить лошадиные скачки.

– Лошадиные скачки... – разочарованно повторила Миди.

– Но...

– Что «но»?

– Я не уверена, но, кажется, там будет сделка.

– Интересно, – сказала Миди, задумчиво уставясь в боковое стекло.

– А еще он хочет, чтобы я осталась и на эту ночь.

– Ты шутишь? – резко повернувшись ко мне, спросила Миди.

Мой раздосадованный взгляд, кинутый на нее, ответил за меня.

– Наверное, у этого старика что-то с головой не в порядке. Неужели ты ему понравилась?

– Какая разница? Я полагаю, мне больше незачем здесь оставаться.

– Как это незачем? Ты можешь узнать что-нибудь еще от него.

– Вряд ли. В основном он несет какую-то ерунду. Алистер больше не станет при мне обсуждать свои планы.

– Но информация про скачки как-то просочилась, так ведь? Чем дольше ты будешь рядом с ним, тем больше он будет тебе доверять. Так что возвращайся в отель и наводи уши.

Расскажи ей про Аарона. Расскажи! Но стоит мне только заикнуться о том, что он меня видел на том рынке, а я промолчала об этом, когда все трудились ради того, чтобы моя встреча с Алистером состоялась, как волна гнева Миди, а затем Лестера и всех его подопечных ударит в меня, и неизвестно чем все это закончится. Нет уж, буду молчать. Он не узнал меня, иначе Аарон еще за завтраком все рассказал бы Алистеру. На мне был макияж, который изменил мое лицо до неузнаваемости. Он не мог меня узнать. Нужно продержаться еще одну ночь. Теперь я знала, как мне следует действовать, чтобы избежать того, чего требует Леммон.

Миди отдала мне свои ботинки и куртку, и в придачу наградила парой купюр на еду и проезд до отеля.

А еще нужно было забежать в аптеку и купить пачку снотворного для крепкого сна Алистера.

* * *

В номере все еще витал запах одеколона Леммона. Сначала мне показалось, что Алистер и впрямь находится здесь, и,

даже не разувшись, я прошла в глубь номера, чтобы убедить-ся в обратном. Здесь только я, дорогая мебель и молчали-вая статуя. Облегченно выдохнула. Как хорошо быть одной, как хорошо, когда нет необходимости от кого-то прятаться, чего-то бояться! Но как жаль, что такие блаженные минуты длятся невечно! Счастье коротко и очень пугливо.

Я обошла весь номер, осмотрела владения, предоставлен-ные мне на сутки. Номер при свете дня казался еще больше. Только одна комната, не считая ванной, но в ней можно бы-ло заблудиться.

Вспомнила, как мы со Стивом, Джейем и Ребеккой сняли два шикарных номера. Как мы плескались в бассейне, радо-вались. Мы были такими счастливыми. И свободными. Мы жили в отдельном мире, таком крохотном, уютном, нам не доставало только Алекса на тот момент.

Я до сих пор помнила звонкий смех Беккс, помнила шут-ки Джея, иногда он даже не пытался шутить, но мы все равно все смеялись, потому что Джей обладал прикольной особен-ностью: что бы он ни сказал, из его уст это звучало как шут-ка. Может, дело в его голосе или бешеной энергии, что ис-ходила от него. Я помнила объятия Стива. Мы сидели у рас-пахнутого окна, город шумел внизу, но мы его не слышали. Мы слушали только биение наших сердец. Любящих сердец.

Я сняла куртку, ботинки, достала из пакета йогурт и пару зеленых яблок, купленных мною в маркете.

Вот черт! Если Алистер увидит вещи, что дала мне Миди,

у него наверняка возникнут вопросы. Я немедленно поместила их в пакет, а его затолкнула под кровать.

Интересно, когда он вернется? Ожидание – коварная штука. Я вздрагивала от каждого шороха за дверью. Ну чего ты так боишься, Глория? Этот старикашка ничего тебе не делает, он ведь даже с трудом передвигается. Его люди к тебе привыкли, ты им нравишься. Он придет, ты подмешаешь ему таблетки в бокал вина, благо бутылка еще наполовину полна. Алистер уснет, и ты тоже. Наступит очередное утро, и тогда все закончится. Ты продержалась два месяца в закрытой камере, неужели тебе так трудно выдержать полдня и ночь в дорогом номере?

* * *

Я услышала, как открылась дверь. Подошла к столику, за которым вчера мы с Алистером вели беседу. Леммон прошел в глубь номера, медленно снял темно-серый пиджак, повесил его на спинку стула.

– Чем занималась весь день?

– Ждала вас.

Ему нравился мой нежный голос, полный наигранности. Наверное, он уже давно привык к тому, что все женщины рядом с ним лгут ему в глаза, они боятся и презирают его, но также обожают его деньги.

– День был суматошным, я очень устал.

– Так давайте выпьем? Я с радостью поухаживаю за вами.

Только я коснулась бутылки вина, как рука Алистера внезапно остановила меня. Тревога сразу захватила мое сердце.

– Нет, сегодня я пить не буду. Я хочу запомнить каждую секунду этой ночи.

Я неловко сглотнула. Даже не знала, что ему ответить, язык онемел, слова все испарились вместе с последней надеждой. Алистер подошел ближе ко мне, дотронулся рукой до моих волос, кожа покрылась мурашками. Далее его рука скользнула по моей щеке, спустилась к шее, и вдруг его мощные пальцы вцепились в мой чокер.

– Что вы делаете?

– Эта штука только уродует твою прекрасную лебединую шейку. Сними ее.

Он знает. Он все про меня знает. Осознав это, я почувствовала, как подкосились мои ноги под тяжестью тревоги, что теперь завладела всем моим телом. По спине скользили струйки пота, лоб тоже взмок, и ладони покрылись влагой. Я потянулась левой рукой к его пальцам, все еще стягивающими мое горло.

– Прошу вас, не надо, – жалобно шептала я.

– Тебе что, сложно выполнить мою просьбу? Тогда Аарон тебе поможет.

Дверь, оказалось, все это время была полуоткрытой, и Аарон слышал весь наш разговор. Он влетел в номер, злобно улыбался и уже направился ко мне, но я остановила его

своими словами:

– Мне не нужна помощь.

Алистер убрал руку с моего горла, а я медленно потянулась к своему затылку, нашла застёжку, и в следующее мгновение лента упала на пол, позволяя Алистеру и Аарону увидеть мою тату и окончательно убедиться в том, что я принадлежу «Абиссали».

Как же мало воздуха, черт возьми! Страх своими длинными, холодными пальцами стискивал мою глотку, голова кружилась, казалось, я вот-вот упаду. Я оказалась в западне. Все мои опасения подтвердились, теперь мне точно конец. Я без оружия, без подмоги. Я абсолютно беззащитна.

– Ах ты, мразь! – Алистер размахнулся и ударил меня по лицу.

В этот удар он вложил всю свою силу, а многочисленные перстни на его пальцах сделали его еще больнее. Что-то теплое струилось по моему лицу. То ли слезы, то ли кровь. Я зажмурилась, и вдруг в моей голове всплыло очередное мрачное воспоминание, которое я так старалась стереть из памяти. Тот самый вечер, когда я сбежала из дома. Мы с отцом так круто повздорили, что результатом всего этого стал сильнейший удар. Отец ударил меня, да с такой силой, что я отлетела на несколько метров и ударилась головой о что-то острое. Я помню, как кровь тогда стекала по моему лицу, рана на моем лбу образовалась нешуточная...

Страх покинул меня мгновенно. На его место пришла

ярость. Никто не имеет права бить меня, доставлять мне боль. Особенно этот вонючий престарелый ублюдок. Я открыла глаза, и взор мой пал на кровать.

– Прежде чем ударить меня еще раз, посмотрите под кровать, – спокойно сказала я.

Ох, безумная ярость творила со мной чудеса. Где-то внутри себя я слышала слабый, тихий голосок: «Что ты творишь? Ничего не выйдет!» Но Алистер все же последовал моему указанию. Ему пришлось хорошенько нагнуться, поднять бахромку. Он увидел пакет с моими вещами, стал к нему тянуться.

– Лучше его не трогать. Одно неверное движение – и здесь все взлетит в воздух.

Алистер медленно поднялся, и теперь на его лбу были видны бусины пота. Леммон и Аарон настороженно переглянулись.

– Там бомба. Подарок от Сайорса. Наверное, вам знакомо это имя? Если вы еще раз меня тронете, я активирую устройство, и тогда беды не миновать.

«Остановись! Они не поверят в этот бред!» – не унимался голосок. Но я не брала во внимание его слова. Мною повелевала ярость. Когда у тебя нет под руками оружия, приходится действовать словами. Слова вселяют страх не хуже дула пистолета, направленного в твою сторону.

– Ты лжешь, дрянь, – нервно шипел Алистер.

– Она не лжет, – попятившись назад, сказал Аарон. – Это

в их стиле. Они могли так подстраховаться.

– И что, ты предлагаешь отпустить ее?!

– Эта девка не стоит наших жизней, Алистер. Пусть идет.

Я медленно направилась к двери, чувствуя спиной сверлящий взгляд Алистера. Он тоже в ярости, но его сковала ярость из-за безнадежности. Он боялся. Боялся так же, как и я, будучи в камере один на один с бомбой. Осознание того, что ты находишься в помещении со смертоносным устройством, которое ты не можешь контролировать, режет глубже ножа. Аарон отошел от двери, но я не спешила выйти за порог.

– Да, кстати, хочу сказать, что этой штукой я могу управлять на любом расстоянии. Это на случай, если ваши люди захотят меня остановить.

И вот теперь я покинула номер. Коридор оказался пустым, я побежала к лифту. Охваченная дрожью, стучала по кнопке вызова, ждала пару минут, постоянно смотря в сторону номера. Нужно сматываться отсюда как можно скорее, пока мой обман не раскрылся. Двери лифта открылись, я влетела в кабину, в которой кроме меня было еще трое человек, к счастью, не в серых костюмах. Весь путь до первого этажа люди смотрели на меня как на полоумную, охваченную потом и паникой. Оказавшись на первом этаже, я побежала к выходу. Пол скользкий, ноги на тоненьких шпильках с трудом сохраняли баланс. Выбежала на улицу. Белое облако пара вырвалось из моего открытого рта. Посмотрела по сторо-

нам. Куда бежать? Миди придет сюда только завтра, телефона у меня нет, чтобы позвонить, да и номера я ее не знаю, денег на такси нет. Так, успокойся. Успокойся, Глория! Манчестер – город огромный и незнакомый, но даже тут у тебя есть люди, которым можно доверять. Главное, чтобы по пути к ним за тобой не велась слежка.

* * *

В «Диком цветке» было так желюдно, как и в прошлый раз, когда я была здесь на встрече с Дрим. Понятное дело: на улице зима царствовала во всю, воя безумным ветром, а здесь, в уютном бордельчике, тепло, а на втором этаже, в комнатах девиц, даже жарко. Я подошла к барной стойке, возле нее сидел мужик и потягивал синий коктейль. Нагло вырвала из его рук стакан и залпом выпила содержимое. Холод до сих пор нежился в моих костях, мне трудно было шевелить пальцами рук, нижние конечности я вообще не чувствовала.

– Э, я не понял? – ворчал мужик.

– Замолкни, – резко сказала я.

В стакане была водка, смешанная с какой-то синей жижей и несколькими каплями лимона.

– Арес?

Я повернула свое окоченевшее тело и увидела Ноэля.

– Мне нужна Дрим.

– Она занята сейчас, – Ноэль смотрел на меня округленными, испуганными глазами. Неужели я настолько жутко выгляжу?

Я не могла ждать. Уверена, что люди из «Сальвадора» следили за мной, так просто Алистер отпустить меня не мог.

Я толкнула Ноэля в сторону и побрела к лестнице.

– Арес, я же сказал, она работает!

– Если хочешь жить, ты не остановишь меня, – сказала я холодным и мрачным голосом, как зимняя ночь за пределами этих стен.

Ноэль хотел жить, поэтому остался внизу и больше не возражал. Я поднялась на второй этаж, шла по коридору, пытаюсь вспомнить комнату подруги Миди.

– Дрим! – я постучала в первую попавшуюся дверь.

Никто не отозвался. Я открыла следующую: там незнакомая мне девица кувыркалась со своим клиентом. Я потревожила все двери и наконец нашла нужную. Дрим сидела верхом на мужике, руки его были привязаны к кровати, ноги тоже, во рту кляп.

– Ты откуда взялась? – спросила Дрим, повернув голову в мою сторону. Ее длинные темные волосы ниспадали с плеч, прикрывая голую спину.

– Позвони Миди, пусть она сюда приедет.

– Я тут, если ты не заметила, немного занята. Возьми мой телефон с тумбочки и проваливай.

Схватила телефон и хлопнула дверью. Руки покраснели и

горели, словно вместо крови в моих жилах находился огонь. Миди значилась в телефонной книжке Дрим под именем «Снежинка».

Спустя час Миди приехала за мной. На мое счастье, она все это время находилась недалеко от Манчестера, а за время ее ожидания люди Алистера не наведались в «Дикий цветок».

– И как это произошло? – спросила Миди.

– Он явился в отель, уже зная о том, кто я.

– Как он узнал?

Я виновато опустила взгляд вниз. Все это произошло из-за страха и безрассудности, из которых я соткана.

– Меня узнал один из его людей... Тот самый человек, которого я видела на рынке. Мы с ним общались, он помог мне завести машину.

Миди, переполненная негодованием, схватилась за руль, наверное представляя, что вместо его обода, она сдавливает мою шею.

– И почему ты нам сразу об этом не рассказала? Лестер ведь думал...

– Я не знаю. Я... Надеялась, что все обойдется.

– Обошлось? – грозно спросила она. – Ладно, меня больше интересует то, как тебе удалось спастись.

– Я положила твою куртку в пакет и сунула его под кровать. А когда Алистер застал меня врасплох, я сказала, что в номере находится бомба. В том пакете.

На жутком белом лице Миди появилась улыбка.

– И они поверили?!

– Ну а как ты думаешь, раз я сижу здесь?

Уверена, что громкий смех блондинки слышала вся округа, мгновение – и я сама начала смеяться.

– А в комнате, случайно, не стало дурно пахнуть? А то стариков иногда подводит кишечник, особенно, когда они боются.

– Да меня саму в тот момент чуть не подвел кишечник.

Мы снова засмеялись. Да, легко было теперь ехать в машине и смеяться, вспоминать то, что произошло несколько часов назад. Но ведь все могло закончиться по-другому. Если бы я поддалась страху, живой бы я тот номер точно не покинула. В этот вечер я могла лишиться жизни. Жизни, от которой я так хотела избавиться несколько месяцев назад...

* * *

– Итак, что мы имеем, – Лестер, как всегда, сидел во главе стола, его черные блестящие волосы ниспадали на лицо, скрывая его грозный взгляд. – Барри Берг объединился с Алистером Леммоном. Об этом неожиданном союзе доложил нам наш «верный» приятель Хэл, что за нашими спинами служил «Сальвадору».

Все мрачно друг с другом переглянулись. Тем вечером столовая собрала в себе всех обитателей дома. С Темных

улиц вернулись Север, Джеки, Сайорс, братья Дерси. Впервые, сидя за этим столом, я не чувствовала себя чужой среди них. Наконец-то я понимала, о чем они говорят, наконец-то нас объединяло общее дело.

– У нас с вами очень много работы. Сайорс, Брайс и Доминик уже знают свое задание, – парни, чьи имена прозвучали, гордо кивнули. – А остальные вместе со мной летят в Сабадель.

– Куда? – спросил Джеки.

– Сабадель – город в Испании. Недалеко от него находится ипподром мистера Леммона. Как сообщила нам Глория, в скором времени он устраивает лошадиные скачки, и мы обязаны там присутствовать.

– Обалдеть! Мы летим в Испанию! – радовалась Миди.

– Миди, тебе придется остаться здесь.

– Что?!

– Нужно, чтобы кто-то остался присматривать за домом.

– Но это нечестно! Кому нужен наш дом? За чем тут вообще присматривать?

– В твоём распоряжении остается не только дом, но и Хэл. Он все еще в подzemелье, и ты можешь делать с ним все что угодно.

На лице Миди появилась злобная улыбка, глаза тут же вспыхнули от радости и пугающей жадности.

– Правда?

– Правда. Только ты можешь наказать его так, как он этого

заслуживает.

Лестер встал из-за стола, нарушив нависшую мрачную тишину громким скрежетом ножек стула о пол.

– Ну что? Вы готовы к путешествию? – спросил он.

Тринадцатое марта

Я пишу сюда, потому что мне страшно. Потому что я не могу ни с кем поделиться. Даже Кэтери до сих пор не знает, что произошло. То, что я сделала, – это ужасно. Я не сплю уже вторые сутки, постоянно думаю о том парне. Возможно, мне станет легче, если я поделюсь этой историей хотя бы с дневником.

С чего бы начать?

Был обычный день, четверг. Я позавтракала, потом за мной зашла Кэтери, и мы отправились в школу.

– Давай за кофе зайдем?

– Было бы неплохо.

– Я всю ночь не спала.

– Я тоже. Быстрее бы написать этот дурацкий тест.

– Да ты-то чего паришься?! Ты лучше всех разбираешься в экономике.

Мы начали переходить дорогу.

– Знаешь, Кэтери, жизнь – непредсказуемая штука. Иногда все может пойти не так, как ты хочешь.

И в следующую секунду мое тело взлетело от удара мотоцикла, что несся на огромной скорости. Я упала на спину, смотрела в небо и понимала, что мне очень больно дышать.

– Эйприл!!!

Я слышала голос Кэтери, но ничего не могла ей ответить. А затем я увидела тьму.

Когда я очнулась, мама сидела возле меня. Я сначала подумала, что нахожусь в своей комнате, но лишь через несколько минут я осознала, что лежу в больнице. Мама все мне рассказала. Я тогда смутно помнила, что произошло. Меня сбил мотоцикл, водитель его скрылся в неизвестном направлении. Теперь папа пытается его найти. За ширмой он уже допрашивал Кэтери.

– Кэтери, вспомни любую деталь, любую мелочь. Может, ты заметила, во что он был одет, или тебе удалось разглядеть номер мотоцикла?

Голос его был таким встревоженным! Папа раньше всегда был спокойным, несмотря на то что он работал полицейским, видел множество трупов, общался с самыми опасными преступниками. Но в тот день, когда со мной приключилась такая неприятность, отец был на себя не похож.

– Я не помню. Правда, я была в таком шоке... Хотя... Стойте. У него над номером было что-то. Наклейка какая-то или царапина.

– Хорошо. Благодарю тебя. Если еще что-нибудь вспомнишь, обязательно сообщи мне.

С того дня папа практически ночевал на работе. Он поставил себе цель: найти того, кто меня едва не убил. Но его поиски не приносили результатов. В тот день на улице были только я, Кэтери и тот мотоциклист. Большие никаких

свидетелей. Мы знали только то, что водитель был на мотоцикле серого цвета, предположительно с наклейкой, хотя я была уверена, что Кэтери все напутала или специально выдумала эту зацепку, лишь бы не расстраивать моего отца. Так уж сложилось, что мой папа – уважаемый человек в Манчестере. Он поймал и посадил за решетку немало убийц. Папа – настоящий храбрец, для меня он всегда был, есть и будет примером для подражания. Ради своей семьи он сделает все что угодно...

Меня выписали через неделю. Я отделалась лишь парой трещин в ребрах и сотрясением. На следующее утро после выписки я проснулась, начала собираться в школу, а затем мой взгляд упал на подоконник. На нем лежала записка. Я подошла к окну, взяла записку: «Приди сегодня на развалины «Тэйсти-клуба», после того как освободишься». Почерк размашистый, неровный, будто человек безумно нервничал, когда писал эти слова. Кажется, я сразу догадалась, кто ее написал. Сначала я хотела подойти к отцу и все ему рассказать, но потом передумала, решив, что для начала нужно самой во всем разобраться.

Когда занятия закончились, я отправилась в место назначения. Развалины «Тэйсти-клуба» находятся в нескольких кварталах от моей школы. Это такое дикое, странное местечко, там любят собираться школьники, чтобы покурить травку, выпить пивка, уединиться с девушкой. От «Тэйсти» остались лишь высоченные стены и груда камней,

окружающих их. Поэтому, чтобы пробраться к этим стенам, нужно, не жалея чистой одежды, взобраться на камни и удачно приземлиться. Я не без трудностей преодолела препятствие и стала ждать. А затем я услышала голос:

– Привет, Эйприл.

Я резко обернулась и увидела парня. Он стоял в нескольких метрах от меня в грязной джинсовой куртке, потертых джинсах, рваных кедах. Голова его была обрита налысо, на кистях и даже на лице, под левым глазом, были татуировки.

– Кто ты?

– Меня зовут Марсель или просто Марс. Мы с тобой виделись однажды.

Я все это время стояла в оцепенелом состоянии, лишь глядела на него и едва справлялась с переполняющим чувством ненависти.

Затем, опустив глаза, он добавил:

– Это я тебя сбил.

Для меня его слова не были сюрпризом, ведь я поняла все с самого начала. Он выглядел виноватым, обеспокоенным.

– И что тебе нужно?

– Во-первых, я рад, что ты пришла, и одна. Надеюсь.

– Одна. А во-вторых?

– Я хочу извиниться. Не поверишь, но ты мне снилась каждую ночь. Я засыпал и видел тебя: ты лежала на асфальте и... кричала мое имя. Я... находился в таком ужасе, правда. Мне так стыдно, я даже не могу посмотреть тебе

в глаза. Прости меня, Эйприл.

Теперь он выглядел жалким. Я никогда не думала, что жалость и ненависть к одному и тому же человеку могут слиться воедино. Я смотрела на него и вспоминала, как плакала моя мама, находясь рядом со мной в больнице, как переживала моя младшая сестра, как отец торчал на работе, ища преступника.

– Как ты узнал мое имя? И мой адрес?

– Это не трудно. Ты дочь знаменитого копа в нашем захолустье, все только о тебе и говорят. И о том, как твой отец ищет... меня.

– И он обязательно тебя найдет. Ты зря устроил эту встречу, теперь я знаю твои приметы и даже твое имя. Если оно, конечно, настоящее.

– Оно настоящее.

– Но зачем ты мне его сказал? Неужели не боишься?

С каждой секундой этот человек вызывал все большее и большее недоумение.

– Не боюсь. Потому что я доверяю тебе. Мне нужна твоя помощь.

Я стояла ошарашенная.

– Помощь?!

– Я понимаю, я заставил твою семью страдать, но это вышло случайно! Теперь и моя семья будет страдать. У меня до этого случая были проблемы с полицией, если меня сейчас засекут, то мне вообще крышка. Поговори со своим от-

цом, пусть он остановит поиски.

– Ты что несешь?! Ты больной? Ты сбил меня и скрылся с места преступления, как самый настоящий трус! Я могла умереть, моя мама беременна, ей вообще нельзя волноваться. Ты хоть понимаешь, что наделал?! И после этого ты говоришь мне скупое «прости» и еще просишь о помощи? Ты реально больной?!

– Эйприл...

– Замолчи! Я больше не желаю с тобой разговаривать. Мой отец найдет тебя, и ты ответишь по заслугам!

Отцу я ничего не рассказала, а он продолжал вести поиски, что оборачивались крахом.

Я постоянно думала о Марсе. Засыпая, просыпаясь, сидя в школе, идя по улице, разговаривая с Кэтери, с мамой, с отцом, с сестрой. Я лишь слышала его голос, видела его лицо. И так день за днем. Я жутко злилась на себя, потому что не могла объяснить причину своего молчания. Этот парень заморозил меня.

Однажды ночью я услышала шум в своей комнате, а затем голос:

– Эйприл.

Я открыла глаза и увидела Марса.

– Какого черта ты здесь делаешь?!

– Тише, иначе всех разбудишь.

Я отползла к изголовью кровати, прикрылась одеялом.

– Проваливай отсюда, я сейчас закричу.

– Не закричишь. Мы так мало знакомы, но я так много о тебе знаю. Удивительно, правда? Готов поспорить, ты до сих пор не рассказала обо мне своему отцу.

– Ошибаешься.

Он стоял надо мной и улыбался.

– Когда ты врешь, ты немного щурить глаза.

– Ты прав. Он ничего не знает... Не понимаю, почему я молчу. Наверное, мне тебя жалко... Но я больше ничем не могу тебе помочь. Мой отец не станет меня слушать, он привык все доделывать до конца.

Марс сел на краешек кровати.

– Ты вся дрожишь.

И правда, в тот момент я жутко дрожала, но я не боялась Марса.

– Я ничего тебе не сделаю. Просто дай мне свою руку.

И я незамедлительно выполнила его просьбу. Его рука была такой теплой, и мне почему-то в этот момент стало спокойно, будто я знала этого человека всю жизнь, будто он ничего плохого мне не сделал. Я посмотрела в его карего цвета глаза: они были прекрасны. Он сам был прекрасен. Я чувствовала себя такой душой, думая о том, что он прекрасен, но отрицать очевидное было глупо.

– Ты очень хорошая, Эйприл. Другая девчонка на твоём месте давно бы уже сдала меня. Забудь о моей просьбе. Это бред. Человек в отчаянии становится таким глупым...

– Твоя семья уже знает обо всем?

– Нет еще. Я живу с дядей. Мои родители погибли, когда мне было одиннадцать, с тех пор он меня воспитывает. Я просто ублюдок, я... столько разочаровывал его, но он все равно продолжал меня любить. Я решил измениться, начать все с чистого листа, впервые устроился на работу, и все было замечательно, но тут – бац! – и ты.

– Прости... – внезапно сказала я.

Я действительно почувствовала себя виноватой. И в этот момент вся случившаяся несколько дней назад ситуация предстала в совершенно другом ракурсе: возможно, мы с Кэтери заболтались о чертовом тесте по экономике, не смотрели по сторонам, а он на большой скорости просто не успел вовремя притормозить. Все было бы иначе, если бы мы не были столь увлечены нашим разговором, а теперь из-за нашей бесшабашности страдает человек...

А далее произошло то, что я совсем уж никак не могла ожидать: Марс меня поцеловал. Я забыла, как дышать, серьезно. Я лишь чувствовала прикосновение его губ и легкое головокружение. Я уже целовалась с парнями, но прежде никогда не чувствовала такое.

Марс отстранился, затем встал и подошел к окну. Мне так хотелось остановить его, но я из-за шока была не в силах и словечко вымолвить.

– Я хочу завтра увидеть тебя на том самом месте в семь вечера. Но ты, конечно, не придешь.

После этих слов он покинул мою комнату через окно, а я

сидела с безумной улыбкой на лице.

– Я приду, – прошептала я, прижав пальцы к губам, которых совсем недавно касались его губы.

Весь следующий день я думала лишь о том, как встречу с Марсом. Лишь от одной мысли о нем у меня теплело в животе. Причем я понимала, что схожу с ума, влюбилась по уши, но я не собиралась противиться своим чувствам.

Я торчала у зеркала почти полтора часа, все никак не могла уложить свои непослушные волосы. Быть кучерявой – настоящее наказание.

Мама неожиданно зашла в мою комнату.

– Ты куда-то собираешься?

– Меня пригласили на день рождения. Ты не против?

– Нет, не против. Просто ты могла бы предупредить заранее.

Мама все еще стояла в дверном проеме и наблюдала за мной.

– Мам, ты чего?

– Ты такая красивая.

Я была счастливой. Кажется, мама догадалась по моим сверкающим глазам о том, что я иду на свидание. Мне так хотелось ей обо всем рассказать, но я не могла. И тут...

Мы слышим, как открывается входная дверь. Спускаемся вниз. Приехал отец. Обычно в такое время он не возвращался, поэтому я сразу почувствовала неладное. И мама тоже.

– Дорогой, что случилось?

– Я нашел его.

Мы с отцом поехали в полицию. Весь путь мне хотелось плакать, но я лишь глядела в стекло и краем глаза наблюдала за поведением папы. Он был абсолютно счастлив, а я была в той же степени подавлена. Я так хотела, чтобы Марс остался на свободе, так хотела вновь с ним увидеться и поцеловать его. Но теперь все было кончено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.